AYLIK MECMUA

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ŞİMALÎ·KAFKASYA
СЕВЕРНЫЙ·КАВКАЗ

LE CAUCASE DU NORD

NORTH CAUCASIA

№ 24

nisan — 1936 — апрель

№ 24

İÇİNDEKİLER — СОДЕРЖАНИЕ

KALEM HAKKI VERİLMEZ
EL YAZILARI İADE EDİLMEZ

ГОНОРАР НЕ ПЛАТИТСЯ
РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

„ŞİMALÎ KAFKASYA”
MECMUASININ ABONE ŞARTI:

	6 aylık	1 yıl
Avrupanın her memleketinde . . .	0,75 dol.	1,5 dol.
Yakın ve Uzak Şarkta, Afrika ve Amerikada.	1 dol.	2 dol.

Tek nushası 3 fransiz frankı.

Abone hakları mecmua müdürünün aşağiki adresine gönderilmelidir: Odyńca 35 Warszawa 12, Pologne.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА ЗА ЖУРНАЛ
„СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ” СОСТАВЛЯЕТ:

	на 6 мес	на год.
Во всех странах Европы	0,75 долл.	1,5 долл.
В странах Ближнего и Дальнего Востока, Америки и Африки . . .	1 долл.	2 долл

Цена отдельного номера 3 фр. фр.

Подписную плату следует посылать по адресу редактора журнала: Odyńca 35 Warszawa 12, Pologne.

ŞİMALÎ ◆ KAFKASYA
СЕВЕРНЫЙ ◆ КАВКАЗ

LE CAUCASE DU NORD | ОРГАН НАРОДНОЙ ПАРТИИ ГОРЦЕВ КАВКАЗА | NORTH CAUCASIA

№ 24 NİSAN — 1936 — АПРЕЛЬ № 24

ARDON DERESİ — ДОЛИНА РЕКИ АРДОН

B. Bilatti

Ren mıntakasi askerîleştirilmesinin ehemmiyeti

Şekil itibarile hukuku düvel kaydalarına pek te muvafık olmamakla beraber Almanya'nın siyasî kudreti ve zarurî menfaatlerile ahenktar olan 7 Mart 1936 aktının ehemmiyetini hakkile ve objektif olarak takdir için, beynelmilel münasebatın Versay binasi inşa edildiği ve Almanya'nın bir çok ezici, bazen tahkir edici tahdidlerle zincirlendiği zamanlara dönmek zazureti vardır.

Denebilirki, beşer tarihinde hiç bir muahede, mağlub tarafa, Versay muahedesi mucibince Almanya'ya yükletildiği kadar ağır taahhüdler yükletmemiştir. Almanya, değil yalnız kendi kolonilerini avrupa erazisinin altıda birini de gaybetti. Bu eraziden ancak, yeniden doğan Lehistana iade edilen leh erazisi etnografik bakimdan alman degildi. Almanya muntazam orduya, hava filosuna, ağır toplara, sualtı gemilerine malik olmak hakkından mahrum edilerek bütün tahkimatları kaldırmak mecburiyetinde bırakılmıştı. Askerî deniz filosunun tonnajı da, galibler tarafından asğerî bir dereceye indirilmişti. Almanya, şarka doğru 50 kilometro enliginde olan Ren'in sol sahilini içine alan Ren hattında her hangi bir garnizon bulundurmak hakkından temamen mahrum bırakılmıştı. Dahası var: Almanya, büyük tonlu (1600 den fazlası) ticaret gemilerini, küçük gemilerinin yarısını ve nehir folosunun beşte birini galiblere vermegi taahhüd etmişti 5 yıl müddetince her yıl, Almanya, umumî tonaj, 200 bin olmak üzre galib devletlere harb tazminatı olarak bir çok yeni inşa edilmiş gemiler vermek mecburiyetinde bırakılmıştı. Galibler, 10 yıl müddetince Almanya'dan her sene evelce 41 mil. sonradan 44 mil. ton taş kömür alacaklardı. Sanayi Almanya'sının kalbi, zengin Sar mıntakası 15 sene için Milletler Cemiyeti idaresi altına geçerek Antant ordusu tarafından istila edildi. Alman nehir limanları Antant gemileri için alman hükûmetinin müsaadesine ihtiyac olmadan—açık bulunuyordu. Para tazminatı olarak ta Belçika için ayrıca tesbit edilen 6 milyardan başka 132 milyar altun mark gibi muazzam bir meblag tayin edilmişti.

Yukarıda sayılan taahhüdlerden başka, Versay muahedesi, alman milletinin millî gururunu rencide edecek ve temamiyeti mülkiyesini tahdid eden manevî mahiyette bir çok diger taahhüdler dahi karalamıştı. Sülh muahedesi şartlarına göre Almanya resmen harbin kabahatlısı tanıldığı için, harb esnasında hukuku düvel kaydalarına riayet etmekte suçlu olan kendi vatandaşlarını galib—devletlere teslim etmegi taahhüd etmişti.

Binaenaleyh, harbden sonraki alman haricî siyasetinin, galib—devletlerin müsellah tazyikı altında kabul edilen taahhüdlerden mümkün mertebe çabuk kurtulmak ve ezici muahedenin ağırlığını atmak yoluna müteveccih olduğuna hayret etmemelidir.

İlk sıralarda Almanya, kendi işi için o zamanlar Versay muahede sistemine ayni suretle aleyhtar olan Sovyet Rusya'dan yardım ariyarak daha az mukavemet yolu ile yürümüştü. Genua konğrasında Almanya ile Rusya arasında derhal müşterek bir lisan bulunurak 1922 nin 17 Nisan'ında Rapallo muahedasi imza edilmiş ve netice de dünya, Veymar cumhuriyetile Sovyet Rusya arasında ittihad münasebeti gibi bir emri vakı karşısında kalmıştı. Galib devletler bu muahedeye, Rur havzasını işgal etmek suretile cevab vermişlerdi. Bu işgal keyfiyeti, resmen Almanya'nın tazminat taahhüdlerine passif bir mukavemet gösterdigile bağlanmışdısa da, hakıkatte ise revanştan başka bir şey degildi.

Kendi avrupa siyaseti ananesine yani Avrupa'da kimsenin hegemonisi olamaz esasına sadık kalan ve ortada hâkim bir vaziyet kazanmağa başlayan Fransa'nın hareket ve gayretinden endişe eden İngiltere „balance of power „prensipine döndü ve bozulmuş Avrupa muvazenesini doğrultmak işine girişti. Neticede, İngiltere'nin Paris'te tazyıkı sayesinde, 1923 ün 1 İlk Kânun'unda Londrada İngiltere, Fransa, İtalya, Belçika ve Almanya'nın mümessilleri tarafından imza edilen Ren paktından ibaret Lokarna muahedeleri adını alan sistem ortaya çıktı.

Mevzuu bahs paktın Almanya tarafından müteşebbisi Ştrezman şunları söylüyordu: „Almanya şu dilem karşısında bulunuyordu: ya emniyet misakı teşebbüsile ortaya çıkmak yahudda Fransa'nın Ren boyunu tahliye etmek yerine orada Milletler Cemiyetinin kontrolu altında bir bitaraf sistem tatbik edecegine muvafakat etmek lazımdı"... Bunu söyledikten sonra fikrini şu suretle hülasa ediyordu: „İki şerden en ehvenini intihab edecegiz."

Şimdi Almanya'yi muahedeyi bozmakla itham edenlerin Lokarno muahedelerine atf ettikleri „gönüllü, ihtiyarî" sıfati işte bu „ehvenişer" intihabında saklıdır.

Almanya, işgal edilmiş yerlerin vaktinden evvel tahliye edilmesini temin işinde muvaffak oldusa da Ştrezman'ın endişe ettigi vaziyetten kurtulamadı. Ren gayrî askerî mıntakası tesbit edilirken Versay muahedesinin 42, 43 ve 44 ci maddesi aynen Ren paktına alındı. Alman siyasetinin gayreti bu mühim mes'elede neticesiz kaldı ve Lokarno muahedesini imzalayan karşı tarafın mütesanid cephesini yarmak kudretini gösteremedi. Neticeye bakılırsa, Lokarno muahedesi Almanya'nın mukadderetını pek o kadarda kolaylaştırmış degildi.

Hiç şüphesiz, Sovyet Rusya'ya yakınlık, Almanya'ya hiç bir reyel garanti temin etmiyerek almanya dahilinde komünist idesinin yayılmasına yardım ediyor ve bu suretle alman milleti arasında dahili ziddiyetlerin keskinleşmesine sebeb oluyordu. Bu da tabiatile, müsavî hak mücadelesini değil kolaylaştırmak, bilakis Almanya'nın beynelmilel pozisyonunun zayıflamasına yarıyordu.

Ancak Hitler ve nasyonal-sosyalist partisi mevkii iktidare geldikten sonradırki, memlekette vatanseverlik şimdiye kadar görülmemiş bir dereceyi bularak alman milletini mütesanid bir şekle sokmuştur. Bu da bittab, müsavi hak mücadelesini az zamanda hayırli neticeler veren yeni metodlarla yapmak imkânını vermiştir.

1935 in bidayetine doğru inkişaf eden beynelmi-

lel vaziyet ve Almanyayi çenber içerisine almaktan ibaret olan Fransa, Çekoslovak ve Sovyet Rusya arasındaki yakınlık, Hitlerin, 1935 in 16 Martında Almanya'da umûmî askerî mükellefiyet kanunu ilan etmesine ve alman ordusunu bu kanuna göre yeniden teşkile başlamasına sebebiyet vermişti.

25.V.1935 — de Quai d'Orsay'ye takdim edilen alman muhtırasına göre, muhteviyat itibarile Lokarno muahedelerinin „harf ve ruhuna" muhalif olan fransız—Sovyet (2.V.1935) ve Çekoslovak—Sovyet (16.V.1935) askerî ittifakı, müsavî hak mücadelesini tacil ederek Almanyaya Versayin son yükünden yanî Ren boyunda Alman temamiyeti mülkiyesini tahdid işinden zahmetsizce kurtulmak imkânını bahşetti.

Yukarıda ismi geçen muahedeler daha ratifike edilmeden — muahedelerin imza edildigi ayda—Hitler bir beyanatında Ren paktı ehkâmına „karşı taraf devletleri sadık kaldığı müddetce „sedakat göstereceğini bildirmişti. Bu suretle, Fransa Sovyetlerle yaptığı askerî ittifaktan doğacak neticeler hakkında vaktinden evvel iykaz edilmişti. Fransız – sovyet paktı tahakkuk edildiği takdirde alman hükûmetince bu işe Lokarno muahedeleri ahkâmının bozulduğu gibi bakalacağını Fransaya hisettirmek suretile Hitler, her türlü manevî mesuliyeti üzerinden atarak kendi arzusuile hareket etmekte manevî bir hak kazanmış oluyordu.

Bunun içindirki, 1936 nin 27 Şubat'ında fransa parlamentosu, haddi zatında ittihad muahedesi olan fransız—sovyet karşılıklı yardım paktını ratifike edince ve 4 Mart'da da senato komisyonu büyük bir ekseriyetle ratifike lehinde rey verince, Almanya menafiinin bekciligini yapan Hitler, 7 Mart'da Lokarno muahedelerinin artık Almanyayi taahhüd altında bırakmadığını ilan etti, Mart'ın 8-de de alman ordusu Ren mıntakasına yerleşti Bu vaziyet, Almanyayi bir defalık, Versay muahedesi taahhüdlerinden halâs etti ve ona Sovyet taarrüzü ile serbestce mücadele etmek imkânını verdi.

Bu suretle, 1936 nın 7 Martında Almnya'nın müdafaasını tahdid eden ve onun. rus—komünist emperyalizmine karşı koyan Avrupa ve Asya millî devletleri safında yer almasına mani olan son engel de ortadan kaldırılmış oldu.

7 Mart 1936 vakasının bizim için ehemmiyeti de bu cihetten olduğu için bizce yüksek bir kıymeti haizdir.

Doguj

„Komünizm işi—sınanmış ellerdedir"

Ecnebî matbuat mümessillerile „resmî mülakat" yapmak modası, son yıllarda Kremlin ümerası arasında dahi kendini göstermege başladı. Bu moda, Sovyetlere Garbin bilhassa otoriter devletlerinden, komintern jargonile denilecek olursa „faşistler" den geçmiştir. Bu kabil mülakatlar „faşist" ülkelerde olduğu gibi, Moskva için, harici işler komiserliği tarafından yapılan normal diplomasi faaliyetin bir mütemmimi hizmetini yapıyor. Bu gibi hallerde „Nufuz sahiblerinin beyanatı" Litvinof'un ve ona tâbi müessese selerin pozisyonunu takviye etmeli ve dünya efkâri umumiyesini münasib bir istikamete çevirmege yaramalıdır.

Zahirî benzerlige ragmen, kremlin ümerasının „mülakat" taktiki, muarizleri bulunan „faşistlerin" bu kabil taktiklerinden çok farklı bulunuyor. „Faşistler" de sözler, reyel vakaler ile tam bir ahenk teşikilettiği. avrupa otoriter rejim başcıları hedefe dos dogru yollarla ileriledikleri ve avrupa efkâri umumiyesini kendi hakıkî arzu ve niyetlerile aşına ettikleri halde, komünist Moskva başcıları burada da göz boyama pazarlık, ikiyüzlülük taktiki ile hareket etmegi tercih ediyorlar.

Bir müddet evvel Stalin'le, amerika „Skripss Hovard Niyuspeypers" nam gazete tröstü reisi Po Hovard arasında vuku bulan „mülakat" bu kabil bir pazarlığın en karakteristik bir misalıdır. Bu „mülakatta" Stalin, şimdiye kadar bolşeviklerin kullandıkları siyasî aldatma şekillerinide kölgede bırakarak, aldatmayi o dereceye vardırmış ki bu aldatma adî sovyet yalanına çevrilmekten kurtulamamış. Işte mülakatın dikkate değer cihetleri:

Hovard—Kapitalist ülkelerde, Sovyetler ittihadının kendi siyasî nazariyelerini zorla diger milletlere aşılamaga karar vermesinden mütevellid esaslı bir endişenin mevcud olacağını zanetmiyormusunuz?

Stalin—Bu kabil endişeler için hiç bir esas yoktur. Sovyet halkının hem de zorla, muhat bulunduğu devletlerin çehresini degiştirmek niyetini beslediğini düşünüyorsunuz sa çok yanılıyorsunuz. Tabiî, Sovyet halkı, muhat olduğu devletler çehresinin degişmesini istemiyor degil, fakat bu iş o devletlerin kendilerine aid bir iştir. Eger bu devletler eger üzerinde iyi oturmuşlarsa sovyet halkının idesinden kendilerine gelecek bir tehlike yoktur. Ben böyle bir tehlikeyi görmiyorum.

Hovard—Bu beyanatınız, Sovyetler ittihadının dünya ihtilâli yapmak planından vaz geçtiginimi ifade ediyor?

Stalin—Bizde, bu kabil bir plan ve niyet hiç bir zaman olmamıştır.

Daha sonra, Stalin, Musolinin söylediği maruf bir cümleyi degişerek şöyle demiştir: „Ihtilalı ihrac etmek — saçmadır... Bizim diger ülkelerde ihtilal yapmak istedigimizi ve onların hayatına müdahele etmek niyet'nde olduğumuzu söylemek, mevcud olmayan ve bizim hiç bir zaman düşünmedigimiz bir şeyden bahs etmek demektir.

Evet, Stalin-ihtimal-gözünü bile kırpmadan amerikalı gazeteciye malûm yalanı telkın etmege çalışmıştır. Stalin'in söyledikleri, bilhassa Komintern'in VII kongrasından sonra dünya ihtilalını hazırlamak için faaliyetine germi veren komintern faaliyeti temamen tekzib etmektedir.

Fakat, işin en dikkate deger ciheti şuki, dünyayi tahrib işini idare eden, „dünya ihtilâli"nı tahakkuk ettirmek için müteaddit planlar hazırlıyan ve

„komşu devletlerin" çehresini degiştirmek isteyen adam, Hovard'la mülakat yapan Stalin'in kendisidir.

Bu ciheti, değil yalnız, komintern'in VII ci kongrasında Stalini karşılayan „sürekli alkışlar" ve „emekcilerin beynelmilel tesanüdü" için yapılan nümayişler hatta, bu gibi hallerde itimad edilecek muteber sovyet menbalerinin açıkca işaretleri bile teyid etmetedir.

Mesela, Stalin'in tek başına efendiligini yaptığı komünist partisinin resmî organı „Pravda" gazetesi bir baş mekalesinde Stalin'in rolunu bakınız, nasıl karakterize ediyor: Komintern'ın 15 yıllığına tahsis edilmiş nushada (4.III.1934) şunları okuyoruz:

„Evet, buz harekete geçti! Austrya, Almanya, Fransa, Çin, Japonya, Hindistandan—her taraftan, yeni başlayan ihtilal buz kıran gemisinin kuvvetli darbeler indirdigi haberleri geliyor. Buz sarsıldı! Her şey, yeni ihtilal baharının yaklaştığını tebşir ediyor. Kapital dünyası yeni ihtilal ve harbe daha fazla yaklaşmaktadır. Lenin-Stalin bayrağı, milyon, on milyonlarca işcinin bayrağı oluyor. Komünizm işi Lenin komünist enternasyonalının sadık ellerinde, proletaryatın en büyük strategi, ihtilâl ordusunun serkerdesi Stalin'ın sınanmış ellerindedir. Tarihî çoküş yakındır. Sovyetlerin bayrağı bütün dünya üzerinde dalgalanacaktır.

„Komünizm işi—sınanmış ellerdedır"... Sarsıntısı gittikce daha fazla işitilen tahribkâr iş, Milletler Cemiyetinde mümessilleri bulunan ve gittikce avrupa siyaseti üzerinde daha fazla müessir bir rolu olan fili bir devlet reisinin elinde bulunmaktadir... Aceba, Hovardlar bu derece basit bir hakıkatı anlamıyorlarmı?!...

B. K.

N. Marr, yafetik nazariyesi ve sovyet dil siyaseti*)

Son Kânun ayının 19 ncu gecesi (1934 de) maruf lisaniyatçi ve Komünist akademisi âzasi, SSSR ilim Akademisi reis muavini ve, başka sovyet gazetelerile birlikte bir çok sayılarında ona sahifeler ayıran „Pravda" nın tarifine göre, „ihtilâlçı alim" N. Marr Leningradda vefat etti.

N. Marr'ın, lisaniyatçı olmaktan başka Kafkasya dillerini mükemmel surette bilen salahiyattar bir alim ve yafetik denilen nazariyenin yaradıcısı olduğunu okuyucularımız, tabiî ki, biliyorlar. Bununla beraber, N. Marr'ın Rusya komünist fırkası organı tarafından neden „ihtilâlçı âlim" adlandırıldığını, neden Rusya maarif komiseri Bubnofun „emrile maddî medeniyet tarihi akademisine akademik N. Y. Marr ın adi verilmiş" olduğunu („Pravda" 21-12-34) ihtimal, ki kimse bilmiyor.

Bütün bunların sebebi, uğrunda bütün hayatını hasrettiği lisaniyat ilminin, Marrda birbirine benzemiyen iki türlü yaradıcılık gördügüdür: 1—kendi ihtisası sahasında zengin malumata malik bulunan ve kafkasya dillerini bilmekte eşi olmıyan alimin objektiv yaratıcılığı, ve 2—Moskof marksizminin birleştirme—ruslaştırma siyasetine şüpheli degerlerle ilmî bir temel koymağa çalışan ve bu maksatla lisaniyatta yeni bir ceryanın ideoloğu kesilen „komünist" — alimin yaratıcılığı.

Birinci halde ikna edici olan ve hürmetler uyandıran Marr, ikinci halde ancak tenkid ve teessüf uyadıyor.

Doğrudur, Marr, faaliyetinin ilk devirlerinde, kafkasya lisaniyatçılığı sahasında dahi yeni hareket noktası, kat'î kararlar ve yeni keşifler yaratmış değildir. O yalnız, ondan daha evvel söylenmiş ve onunla ayni zamanda ondan ayrıca olarak isbat edilmiş olan şeyleri kısmen şarh ve tekmil etmiştir.

Malum olduğu üzre, yafetik nazariyesi ilk şeklinde (sovyetlerden evvelki şeklinde) bütün kafkasya dillerinin akrabalığını isbat ve başka canlı ve cansız dil sistemleri arasında tecerrüd etmiş oldukları fikrini rettediyordu.

1888 de „İverıa" adlı gürcü gazetesinde neşrettiği ilk eserinde Marr diyordu, ki:

„Maddî kuruluşu ve ruhu itibarile, yâni söz kökleri ve gramer kuruluşu bakımından gürcü dili sâmî (semit) diller ailesile akrabadır; fakat bu dilin sâmî dillerle bağlılığı, bu son dillerin kendi aralarındaki bağlılık kadar değildir. Anlaşılan gürcü dili (daha doğrusu gürcü, megrel—çan ve svan dilleri), sâmî dillerin birbirine benzedikleri kadar sâmî dillerine benzeyen ortak bir ana dilden neşr'et etmiştir." 1920 de ise ilk müşahedelerini tekmil ederek iddea ediyordu, ki („Kafkasya ahalisinin kavmî teşekkülu" Petrograd, 1920):

„Yerli kafkasya milletleri, hatta yerli kafkasya dilleri bile Kafkasyada vücude gelmemiş bir hadisedir: Kafkasyanın ilk ahalisini teşkil eden yafetik ailesi bile, sonra gelen ario-avrupalılarla türkler gibi, sonradan kenardan buraya gelmiş insanlardır. Bütün kabileler halinde gelib oturan kitlelerden bahsetmiyoruz. Yalnız şu kadar fark var, ki yafetik aile eskiden yaşamakta olduğu ve cenubdan komşu bulunan, asıl yurd*) olmasada, Mesopotamyadan (Beynelnehreyn-

*) Geçen nushamızda vadettigimiz gibi, 1934'ün İlk Kânun'unda B. K. nın rusca çıkmış olan mekalesini derc ediyoruz.

*) Buradaki nazariyesinin hilafında olarak „komünist" Marr artık hususî dil ailelerile asıl ana yurd varlığını inkâr etmektedir. „Diller ailesi" tabirini daha az „tecrid" eden „diler sistemi" mefhumu ile değişti; „asıl ana yurd" u ise, binaenaleyh beşeriyetin ırklara ayrıldığı nazariyesini dahi, kökünden rettetti. Marr ın tercümei halini yazan ve onun müfessiri bulunan V. B. Aptekar yazıyor, ki „Vahid glotto—gonik (Yunanca: „glotto"—dil, „gone"—doğum—B. K.) hadisede başka dillerle bağlı olmadan kendi başına teşekkül eden hiç bir dil ve hiç bir „diller sistemi" („ailesi" değil—B. K.) yoktur. Yeni lisaniyat ilmi (Sovyet Rusyada „yeni" yafetidolojinin resmî adıdır—B. K.) bütün dil sistemlerinin bu hadisedeki mevkileri mes'elesinin başlıca cihetlerini halletmiştir. Bütün diller—birbirinden ayrı olan ilk ana yurdlarda müstakıl ırkî—harsî faaliyetin mahsulu olmayıb, „insan tekellümü inkişafının hususî merhalelerinden

den) muhaciret ederek ve etnik kitle halinde yakın Kafkasya memleketlerine yayılmışlardır. Yafetidler çok kadimde, ve muhtelif zamanlarda Kafkasyaya hicret etmiş ve muhaciretlerine sebeb de, ilk tarihî hayatlerinin merkezine vaki olan ario-avrupalı muhaciretı olmuştur. Çekilen yafetidler, muhacir kafilelerini sıkarak, doldurarak, o cümleden, tarihen teşekkül etmiş sayısız millet ve kabileler halinde Kafkasyanın şimal mıntakalarını dahi dolduruyorlardı."

Başka eserlerinde dahi defalerle teyid ettiği bu kanaate Marr, ön-Asyanın gerek yaşamakta olan gerekse ölmuş bulunan dillerile kafkasya dilleri arasında yaptığı mukayeseli araştırmalar sonunda varmıştır. Gürcü dilinin sâmî dillerle mukayesesile başlayıb sonralar başka kafkasya dillerine ve akdeniz-karadenız havzasının kadim dillerine (o cümleden olmak üzre muasır bask diline) dahi teşmil ettiği bu araştırmalardır, ki bilâhere yafetik nazariyesinin esasını teşkil etmeğe başladı. Bu nazariyenin yardımile Marr bütün kafkasya dillerini*), kadim dillerden bâzilerini (meselâ: keldanî, elam, sumer, etrus v. s. dilleri) ve bask dilini yafetik adını verdiği bir diller ailesi halinde birleştirdi.**)

Bu suretle meyadana gelen yeni nazariye Garbî Avrupadaki lisaniyat ilminin ceryanını kat'iyen bozmıyor, ancak onun umumî sistemî içerisinde Kafkasya dillerinin tasnifi için hususî bir istilâh yaratmak suretile mevcud lisaniyat ilmini tekmil etmiş oluyordu. (Şimdi ise Sovyetlerin „Yeni lisaniyat ilmî" dalkavukları Garbî Avrupadaki lisaniyat ilmini istihza ile „indoevropeistika" adlandırıyorlar).

Fakat, tekrar ediyoruz, yafetik nazariyesinin esaslarını vaz'etmekte Marr pioner değildi. Bu esaslar ondan daha evvel kurulmuştu. Bunlardan—kafkasya dillerinin akrabalığı, daha Kafkasya lisaniyatçılığının doğduğu zaman kaydolunmuştu (bu münasebetle Pallas'ın 18 nci asırda tanzim ettği „Comparaisons de la langue des Doughors et Ossetins avec celle des Mitschdegises et ses dialectes" esere bakılsın). Yeni çağlarda (19 ncu asrın ikinci yarısında) kafkasya dilleri arasındaki bağlılığı R. Von Erkert (R. Von Erkert — „Die Sprachen des Kaukasischen Stammes", Wien, 1892) ve Fridrih Müller (meselâ: „Grundriss der Sprachwissenschaft" — Wien, 1885) isbat etmişlerdi.

Von Erkert kafkasya dilleri hakkında demiştir, ki: „yapılan araştırmalar neticesinde bu dillerin birbirlerile görülen çok yakın akrabalıkları, hepsi için ortak olan bir ana dilden ayrıldıkları kanaatı yaratıyor."*)

Nihayet kafkasya dillerinin akrabalığını Marr ın muasırı olan 20nci asır lisaniyatçıları daha açık birşekilde kaydediyorlar. Bu hususta, Münhenli professor, şimdi merhum bulunan, Adolf Dirr'in bir seri teşkil eden eserleri en muvaffakiyetli eser addoluna bilir (Adolf Dirr — „Linguistische Probleme in ethnologischer, antropologischer und geographischer Beleuchtung"—1910, „Antropologische und ethnographische Übersiht über die Volker des Kaukasus" — 1912, „Sprache der Ubychen" — 1927, kapital eseri olan „Einführung in des Studium der Kaukasischen Sprachen" — 1928 ve başka eserleri), ondan başka italyan lisaniyatçılarından Bolon universitesi professoru Alfred Trombetti'nin de bu hususta kıymetli eserleri vardır (meselâ: A. Trombetti — „Elementi di Glottologia" ve başkaları).

Yafetik nazariyesinin ikinci esasını teşkil eden—kafkasya dillerinin küçük Asya ve Akdeniz havzası dillerile irtibatları mes'elesi dahi Marrdan daha evvel kaydolunmuştu. Meselâ, bask dili problemini halletmek için yollar ararken lisaniyat aleminin tanınmış siması Hugo Schuchardt (geçen asrın 80 ncı yıllarında) kafkasya dillerini öğrenmeğe başladı.

Elam dilinin anahtarını bulmak teşebbüsü Henrich Winkler'i kafkasya dillerine götürdü ve „Die Sprache der zweiten Columne der dreisprachigen Inschiften und des Altaische" (Breslau, 1896) adlı eserinde yalnız elam dilinin mahiyetini keşfetmekle kalmayıb, kafkasya dillerine aid sintaksis hususiyetini dahi kavramağa muvaffak oldu.

Marr'ın dahi iptidade idia ettiği şekilde, kafkasya dillerinin başka dillerden ayrı müstakil oldukları fikrini yukarıda adlarını zikrettigimiz A. Dirr ile A. Trombetti dahi inkâr etmişlerdi. Baskolojiye aid

---

kalan kalğılardır, ki bunlar da iktisadî hayatın ictimaî şekillerin ve maddî ve teknikî tekâmülün başlıca merhalelerine mu tabiktir." (Son sözleri Aptekar, Marrın en son eseri olan „Yafetik nazariyesi" nden alıyor) (V. B. Aptekar—„N. Y. Marr ve dil hakkında yeni nazariye" Moskva, 1934).

Marrın tercümei halini yazan ikinci bir muharrir S. N. Bıkovski (S. N. Bıkovski—„N. Y. Marr ve onun nazariyesi", Leningrad, 1933), yazıyor: „N. Y. Marr, asıl—ana dil, (dilin neş'et ettiği kök dil manasında) ana—yurd ve ana—millet nazariyesini rettetti. Dillerin kuruluş itibarile farklarını o, ırkî hususiyetle değil tarihî inkişaflarile bağladı, yâni: dillerin esas, umumî ve tipik ayrılıklarını, inkişaflarının başlıca merhaleleri şeklinde telakki eyledi. Yafetik dillerin, insan tekellümünün en kadim basamağından dogmuş bir sistem oldukları anlaşıldı. İnsan tekellümünün en yeni ve sonraki basamağı de indo—avrupa veyahud promete (Marrın son terminlerinden biridir—B. K.) dilleri sistemi olduğu dahi meydana çıktı. Bu esasa dayanan Marr, şu neticeye vardı, ki muhtelif millî diller, insan tekellümünün muhtelif tarihî merhalelerinden kalma muhtelif variantlarıdır."

Bu surette, son devrin Marrı, iptidadeki nazariyesinin tam zıttı olan bir iddia vaz'etmiş bulunuyordu. Dil aileleri (o cümleden yafetik diller ailesi dahi) onun nazarında artık, (bir „kök-dilden" ve „asıl—ana yurdda" ki) müstakil ilk şekilnden, mükerrer karışmalar yolile, inkişaf etmiş ayrı—ayrı dil grupları değil, „insan tekellümü inkişafinin" muhtelif sistem—basamağıdır.

*) Hatta karışık (gibrid) diller telekki etmek istediği osetin dili gibi kafkas—iranî ve kumuk, karaçay—balkar dilleri gibi kafkas—türk dillerini dahi Marr buraya dahil ediyordu.

**) Bu istilahın kabulu münasebetile Marr kendisi diyor, ki: „yafetik termini tevrattan alınmıştır, sebebi de şudur ki yafetik diller nazariyesi, yafetik dillerin sâmî dillerle akrabalıgından başlanmıştı, yâni: arab diliie (müslüman ve hıristıyan yazılı dil halinde), yehudî, habeş, suriye (hıristıyan) dili de dahil olmak uzre, bir çok aramî dillerile. Bevnelnehreyindeki assurî mıhı hattile mukayese yapılmıştı. O vakta kadar daha ilim sâmî dillerle hâmî dilleri akraba olarak telakki etmekte idi. Hâmî dillere de ilk önce mısır dili, heroglifte başlamış demotike kadar ölü mısırcanın muhtelif inkişaf safhaleri, gene ölü olub yazılı hırıstıyan dili bulunan kopt dili ve bir çok canlı ve muasır afrika dilleri dahil bulunmaktadır. Ona göre, ilmî terminolojinin umumî sistemini bozmamak için, hâmî ve samî dillerle akrabalıkları meydana çıkan diller için Nuhun—Ham, Sam ve Yafes (yafet) gibi üç oğlundan sonuncu, üçüncünün adını alıb mahiyetleri yeni taayun eden dillere yafetik adını vermeği münasib buldum. („Yafetik nazariyesi").

*) Bu fikri, ondan otuz yıl sonra Marr tarafından „Kafkasya ahalisinin kavmî teşekkülü" eserinde meydana atılan „ana dil" ve „ana yurd" (Mesopotamıyada) nazariyesile mukâyese etmek faydasız olmaz.

eserlerinde A. Trombetti şu neticeye varmıştır, ki bask dili kafkasya ve hâmî dillerile yakınlık alametleri gösteriyor, en yeni monografisinde ise („Le origini della lingua Basca" — 1925) o tereddüdsüz ve kat'î olarak diyor, ki: „ben bask dilini sıkı surette kafkasya dillerile bağlıyorum. „Ve" bask dili, her hangi bir dil grupundan ziyade, kafkasya dillerile daha yakın bir akrabadır."

Trombetti sözünde devam ederek diyor, ki: „Kafkasya dilleri arasında bask diline en çok yakın geleni—abhaz—çerkes ve karttel dilleri ve, belki de, Çeçen-tuşin dilidir."

Hulâsa: garbî—avrupa lisaniyat aleminde, kafkasya dillerinin bir çok sair dillerle akraba oldukları fikri çoktan hâkim olmuştu, (bunu adları zikrolunan alimlerden başka Georg Hüsing, Ferdinand Bork, A. Gustavs, A. Ungnad, Th. Kluge ve başkaları dahi isbat etmiştir).

Bu diller grupu için hatta bir istilah dahi yaratılmış, o grupa giren dillere „kafkasoid" adı verilmişti (almanca „Kaukasidische").

Kafkasyalojinin bu sahasında, zikrettigimız esaslara dair, tekrar ediyoruz, ki Marr yeni hiç bir şey keşfetmiş değildir. O sâde bir emekdaş idi (doğrudur tanınmış bir emekdaş). Ona „dünya şöhretini" veren faaliyetinin „Kafkasyaloji" devri olmadı.

İtiraf etmeliyiz, ki ilim dünyasında müessef şöhreti ve geniş tanınmayı Marr'a temin eden, sovyet rejimi devrindeki faaliyeti oldu. Muasır lisaniyat ilminin temeline kastettiği, 65 yaşında iken „inanmış marksist" kesildiği ve Moskvanın „dialektik materyalizm" metodunu dil ilmine soktuğu günden itibaren idi, ki onu herkes tanıdı. Bu „degişmeyi" S. N. Bıkovski (S. N. B-ski—„N. Y. Marr ve onun nazariyesi" Leningrad 1933) şöyle tasvir etmektedir:

„...Mevcud malzemeyi öğrendiği devirde, bir dil hadisesinin hududları haricine çıkan ve lisaniyatçiye ayni zamanda ictimaiyatçı olmak lüzümünü itiraf eden Marr, burjua lisaniyatçılıngının asıl kök-dil, ana—millet, ana—yurd efsanelerini söküb dağıttı (?!). Bügünku dillerin muhayyel ortak bir kök—ana dilden çıkmak ve ayrılmak suretile meydana gelmeleri tasavvurlerine karşı iptidade sayısız olan dillerden vahid dile doğru organik ve hakikî inkişaf idesini vaz'etti. Bu inkişafın başlıca yolunu N. Y. Marr muhtelif dillerin birbirile karışmasında gördü. Bunun aksi olarak, bütün burjua lisaniyatçıları bügünkü dillerin meydana gelmesini öyle tasavvur ediyorlar, ki güya iptidade asıl kök—diller varmış da, bilâhere parçalanmışlar ve onlardan sonralar bir çok yeni diller meydana gelmiştir; bu sonuncular de yeniden parçalanmış ve yeni diller vücude getirmişlerdir. Ve bu parçalanma şimdiki dillerin teşekkülüne kadar devam etmiş. Bütün bu ameliyatı bir kül halinde tahayyül edecek olursak ihrama benzer bir çok şeyler meydana gelir. Her ihramın başı mevcud dil grup ve „ailelerinden" birinin neş'et etmiş olduğu kök—ana dildir. Ihramın kaidesi ise bugünkü dillerdir. Bu ihramların her birini bur jua lisaniyatçıları başı aşağı, kaidesi yukarı olarak koymuşlardır. Çünkü hereket noktası kök dil, yâni ihramın başıdır". Marr kendisi ise (N. Y. Marr—„Yafetık nazariyesi") kendisinın „yeni şekle düşmesini" şöyle anlatıyor:

„Yafetik nazariyesine göre beşeriyet vahid bir dilden başlamış değildir, daima bütün beşeriyet tek dile doğru gitmiş ve gitmektedir.

Yafetik nazariyesi, bir sistemin öteki sistem tarafindan avez edilmesi ve, bizi müstakbel tek dil tipine yaklaştırmakta olan ve yaklaştırmış olan her yeni sistem teknikasının, bu mutasyon usullu tekâmülün yollarını aydınlatar. İndoevropeistler (yâni: „burjua lisaniyatçıları"—B. K.) en asıl kök—dil noktasından hareket ederek ihramı başı aşağı koymuşlardı. Bunun la onlar tekten çoka, insan tekellümünün ğeniş yayıntısına yaklaşmak istemişlerdi. Yafetidolog ise sayısız ve teşekkül ameliyatında haha berkimemiş olan bütün dillerin inkişaf derecelerinin aynı olduğunu nazara alarak, tek ortak dilin muayyen yollarında onun teşekkülüne doğru gidiyor".*) Fakat, yafetidolojinin bugünkü „tekâmülünü", onun kafkasyaolojì sahasindan kenara „muzaffer" seferini „mevcud malzemenin öğrenme hadisesi" ile alakadar dutanlar çok yanılıyorlar. Onun temeli altına „sovyet imperyasının" dillerini sokmak teşebbüsü bize maksadin başka şey olduğunu söyliyor. Biz iddia ediyoruz, ki o, ancak Marrın Kremldeki ağalarından almış oldugu „ictimaî sifarişin" bir mahsuludur. Merhum âlimin manevî siması dahi bu fikrimizi teyid ediyor. Gencliginde Gürcüstan istiklali arzuları besliyen, yetişgin yaşlarında „imperator" ilim akademisi âzası olan, ihtiyarlığında ise „gaddar marksist—bolşevike" çevrilen bır adamın bilgisini hakim kuvvetin istifadesine teslim etmemek icin icab eden sebatı gösteremiyeceği tabiî idi.**) Stalinin aşağiki sözlerini „tebdil" edilmiş yafetidolojinin mahiyetile yanyana koyduğumuz takdirde, mes'ele temamile aydınlaşmış olur.

Komünist fırkasının 16 nci kurultayında Stalin şu sözleri söylemişti:

„SSSR de proletaryatın hakımiyet devri mahiyetce sosyalistik, şekilce millî olan millî kültürlerin inkişaf devridir... İlk tahsil in ana dilinde tatbik ve kökleştirilmesile millî kültürler yeni bir kuvvetle inkişaf etmelidir... Yalnız millî kültürlerin inkişafı şartiledir, ki geri kalmış milletleri sosyalizm kuruluşu işine celbetmek mümkün olacaktır... SSSR milletlerinin millî külturlerini inkişaf ettirmek işinde lenin yardım ve himaye siyasetinin esasını işte bu teşkil etmektedir. Gelecekte bütün millî kültürlerin (hem mahiyetce, hem de şekil itibarile) tek ortak dil ve ortak bir kültür halinde birleşmesi taraftarı olan bizlerin (seyrekleştirme her yerde bizimdir—B. K.) bugün, proletayatın hakimiyeti devrinde millî kültürlerin inkaşafi taraftarı (?!) dahi olduğumuz tuhaf görune bilir. Fakat burda hiç bir tuhaflık yoktur. Hepsini or-

---

*) Gerek Marr, gerekse Bıkovski açıktan açığa izam ediyorlar. „Burjua" lisaniyatçılığı („İndoevropeistika) hiç de bir tarafli değillerdir: o parçalanma ile birlikte dillerin „merkezleşme" hadisesini de kabul ediyorlar. Mesela, onun maruf mümessili A. Dirr, dildeki degişmelerin en başlıca sebebleri olmak üzre „mütekabil temas, girinti, karışma, temsil" v. s. gösteriyor. („Linguistische Plobleme in ethnopol., antrop., u. geograph. Beleuch." eserine bakılsın).

**) Kendi „Avtobiografisinde" Marr yazıyor, ki: „Millî hareket yollarında Gürcüstanın kurtarması hayalini beslerdik. Hiç unutmam, universite talebesi iken, daha gimnaziumdan arkadaşım olan birile and içtik, ki" Gürcüstanı kurtarmıyinca silahı burakmıyalım. Marr istihza ile ilave ediyor, ki: „O banka müdürü, ben isem... akademik oldum".

tak bir dile malik ortak bir kültür halinde birlestirecek şeraitin hazırlanması için bütün millî kültürlere açılmak, inkişaf etmek ve bütün gizli kuvvetini göstermek imkânını vermek lâzımdır."

„Yenileştirilmiş" olan yafetidoloji işte, bu Stalin „reçetesi" nedir, ki „ilmî temel" vaz'ediyor.

„Yafetik nazariyesinin inkişaf safhaleri ile" (Moskva—Leningrad 1926) eserinin mukaddimesinde Marr yazıyordu, ki: „yeni nazariyenin vatanı ne universitedir, ne de akademi, onun vatanı her nevi duvar haricinde kitlevilik ve sınıf şavaşçılığile birlikte yaşayışın ictimaî — iktisadî şeraitdir"...

Ve sonra ayni eserde şunları yazıyordu: „Yeni nazariye yaşadığımız zamanın çocuğudur ve o, yeni ilmî yaradıcılığa, yeni ilmî kıymetler yaratmaya ve umumî beşeri medeniyete ve onun şimdilik başlıca içtimaî diregine, istihsalimizde hakim bulunan proletaryatın idare ettiği arası kesilmez sınıf savaşına davet etmiye bilmezdi."

„İçtimaî sifarişin" (dil hakkında yeni nazariye) mahiyetini Marr „Dilin menşe'ine dair" eserinde daha açık göstermiştir.

Bu eserde şunları okuyoruz:

„Muasır lisaniyatçılığın vazifesi, devam eden diller birleşmesi ameliyatını sür'atlendirmek ve kolaylaştırmak için dil yaratıcılığı teknikini öğrenmekten ibarettir."

Sovyetlerde hakikî vaz'iyeti bilenlerden kimse, „devam eden dil birleşmesi ameliyatının" hayatta sovyet hükûmetinin dil sahasında ruslaştırma tedbirlerinden ibaret olduğuna şüphe etmez. Gerçi bolşevik havarileri kendi eserlerinde „sınıfsız cemiyette ortak dilin ruscadan ibaret olacağını" söylememişlerse de bolşeviklerin praktik işleri böyle bir „ortak dili" ruscadan ibaret tasavvur ettiklerini aşikâr gösteriyor (Meselâ: rus olmıyan milletler için tanzim ettikleri „terminoloji lugatlerine" külliyetli mıkdarda rus sözleri dolduruyorlar, bu dillerde mekteb tahsilini ancak ilk mekteb çerçivesile tahdid ediyorlar ve s. v. s...).

Bu işte dahi „ilmî temeli" veren Marrdır.

„Yafetik nazariyesinin dil siyaseti"*) eserinde Marr diyor, ki: „Dil hakkında yeni nazariye, kitlevî rus dilini, onu bürüyen veyahud onunla birlikte yaşayan milletlerin dillerine karşı vaz'edemez ve ayni zamanda onları birbirlerinden dahi ayıramaz, çünkü o (yeni dil nazariyesi) rus olmıyan milletlerin dillerile rustelaffüzu arasında genetik bir bağlılık mevcud olduğunu meydana çıkarmıştır." Marrı bu neticeye götüren çuvaş dili üzerinde yaptığı „tetkikler" dir. Bu tetkikler neticesinde çuvaş dilinin rus dilile „genetik bir irtibata malik olduğu" kanaatine gelmiştir.

V. B. Aptekar („N. Y. Marr ve dil hakkında yeni nazariye") dıyor, ki: „rus ve çuvaş dilleri arasındaki benzeyişin büyüklügü, Marra göre, bu iki millet arasındaki genetik irtibatla izah olunur, böyle, ki yafetid—çuvaşlar umumî yafetid alt zemininin kalkısı gibi meydana çıkıyor. Ve bu zemin üzerine, yeni içtimaî—iktisadî münasebetler neticesi olarak, fin, türk ve rus gibi kabilevî teşekküler meydana gelmiştir.

Burada „fin ve türk" ile „rusları" birlikte alıyor, ki çok manalıdır. İster istemez insanda bu kanaat hasıl oluyor, ki Marr. SSSR milletlerinin, kendi ihtisası olan dil sahasında, „evroazi birligini" isbat mecburiyetini hissetmiştir:

Yafetidolojini bürümüş olan „ilmî" sisi dağıttığımız taktirde görürüz: ki yarım şotlandalı—yarım gürcu, hakikatte ise „rus oğlu rus" olan Marr, rus milletinin „messianizm„ını, „onu bürüyen veyahud onunla birlikte yaşıyan milletlerin" mukadderatlerinde büyük rol oynamakla „müezzef" bulunduğuna dair rus mütefekkirlerinin („slavyanofillerden" başlamış, „evroaziçilere" ve bolşeviklere kadar hepsinin) isbata çalıştıklarını „ilmî" bir esasa bağlamak istiyor.

Garbî-Avrupa lisaniyatçılığının mümessilleri de Marrin „keşiflerini" öyle anladılar. Meselâ A. Dirr, Marr ile münakaşa esnasında yazıyordu, ki: „Birbirinin içine sokulmakla, Avru—Asıya kit'asının mühim kısmı üzerinde ceryan etmiş en kadim tarihî esrarı bize izah edecek SAL, BER, YON, ROŞ gibi dört ilk kabile hakkında Garbda malumat aldığımız zaman onlar çok şüpheli ve inanılmaz bir hale geliyorlar."

(Marra göre en iptidada bu dört ilk kabileler mevcud olmuş ve söz kuruluşu ile cümle kuruluşuna esas teşkil etmişlerdir—B. K.).

İngiliz Allen daha açık ve kat'î olarak beyani fikir etti: „Times"de yazdığı bir makalesinde o yazıyordu, ki: „Yafetidoloji bolşeviklerin pan-Asya siyasetleri için yeni bir silahdır".*)

İcmalimize nihayet vererken Marrın ölümile yafetidolojinin „inkişafi" durmıyacağını söylemek isterdik. Bu inkişafi temin için, Marrın buraktığı edebî mirasın verdiği hareket noktaları sayısızdır.

SSSR deki hayatın başka sahaleri için Lenin, Stalin ve sair bolşevizm peygamberlerlnin yazdıkları ne ise, Marrın buraktığı miras dahi sovyet hükûmetinin dil sahasındaki faaliyeti için ayni rolu oynamağa başlamıştır.

Objektiv lisaniyat için. o cümleden Marrın dahiyane olduğuna şüphe olmıyan ilk eserlerinden ötürü Sovyet Rusyada yer yoktur. Onların „burjualığına" hükmedilmiştir.

---

*) Buna „sovyet hükûmetinin dil siyaseti" denilseydi daha doğru olurdu.

*) Prof. Dirr'in aşağiki sözleri Marrın ilmî kıymetini karakterize etmeğe kâfidir: „Marr hümmalî faaliyeti esnasında yakaladığı zavalli lisanî şahsiyetleri idam etmek için bir sahpa kurmuştur".

Ибрагим Чулик

ЛИК БОЛЬШЕВИЗМА

Один из современников борьбы американских колоний за независимость, великий французский экономист и мыслитель Тюрго, через несколько недель после заключения Францией договора с восставшими колониями в 1778 году, писал в одном частном письме: „...силой нельзя удержать господство одной нации над другой, тирания одного народа над другим самая жестокая и самая невыносимая...” Мы можем добавить — да, жестоко пытаться угнетать народ, твердо решившийся быть свободным; порабощенные народы должны стать независимыми и не только во имя собственных интересов, но и интересов всего человечества в целом; народы должны быть свободными и спокойными без тех цепей, которыми сковала их советская власть под предлогом общечеловеческого блага. В природе советской власти нет более острого момента, опасного для ее существования, который бы внушал к себе такую жгучую ненависть со стороны большевиков, как вопрос национальной свободы. Декрет 3-го ноября 1917 года, провозгласивший право народам России на самостоятельное устроение своих судеб, был одним из первых актов большевиков после захвата ими власти. Нельзя отрицать, что одним из самых возвышенных и светлых влияний русской революции было то, что она окрылила и взлелеяла в душах угнетенных народов уверенность в торжество их векового идеала свободной, независимой жизни. Но не долго длилось лицемерие большевистского обмана и сегодня мы являемся свидетелями торжества той обнаженной наглости, с которой советская власть попирает идеалы, ею же самою торжественно возвещенные с трибун ограбленных царских дворцов. Для тех, кто хотел-бы вникнуть в истинное содержание большевистской природы, этот эксперимент не покажется явлением неожиданным. Мы неоднократно имели случай указывать, что идейное содержание большевизма в понимании советских вождей определялось в зависимости от требований насущных нужд тревожного момента, но в основном оно остается незыблемым: жестокие меры принуждения и полное игнорирование морали, права, личности. Гнет, духовное и экономическое рабство, принесенные большевиками, стали кошмаром сегоднешнего дня советской страны. Мы неоднократно знакомили читателей с истинной природой большевистской власти, стоющей угнетаемым народам неисчислимых жертв, оплачиваемой неиз'яснимыми страданиями и подлежащей еще оплате будущими поколениями; мы видели, как большевики всеми своими мероприятиями, с самого начала захвата ими власти, попирают все то, что они провозглашали священным достоянием не только народов, но и рабочих, крестьян и личности. Попиранием суверенных прав народов, насаждением жандармерии, сыска и провокации, учреждением чека (Ч. К.), подавлением всех личных свобод, уничтожением основ избирательного права, созданием замкнутой в самой себе привилегированной бюрократии, раз'едающей весь народный организм, подчинением рабочих масс диктаторству назначенных распорядителей, милитаризацией труда, прикреплением рабочих к фабрикам и заводам, введением чудовищной паспортной системы — советская власть каждодневно совершает кощунственное надругательство над тем, что она сама продолжает провозглашать, как единственное содержание диктатуры пролетариата. Большевики создали самодовлеющую, эксплоататорскую, внеправовую организацию мифической государственности, насквозь пропитанную низменными инстинктами, бессудностью, рабским подчинением угнетенных, продажностью, взяточничеством, вымогательством безчисленного чиновничества; советская власть—это сообщество организованных разбойников с большой дороги, отличное от своих более скромных сотоварищей, мелких грабителей, только размером принудительной силы. Каким образом, однако, эти безнадежно путающиеся среди заимствованных чужих формул социального благополучия, оплевывающие ими-же провозглашаемые „святыни”, люди находят дружбу и приют в странах высокой культуры и морали — остается явлением непостижимым; возможно, что ответ на этот вопрос лежит в особенностях нашей эпохи бурных настроений. Теперь, после почти двадцати лет господствования большевиков, нет нужды распространяться о том бесправном положении, в которое погружена вся страна советов; крайняя степень нищеты, невероятный упадок ее сельского хозяйства, в конец разоренный транспорт, бездействующие фабрики и заводы, голодное вымерание населения, свидетельствуют перед современностью и историей о том, как безмерно убита производительность в „новом”, созданном большевиками, государстве. Большевики об'ясняют эти трагические явления последствиями войны. Но почему тогда даже страны побежденные: Германия, Турция, Австрия, Венгрия, Болгария, не наделенные и в приблизительной доле такими неисчерпаемыми и разнообразными природными богатствами, как эксплоатируемые большевиками страны, не испытывают и тени страданий народов Советской России. Почему в течение каких-нибудь нескольких лет после прекращения войны, Германия, со всех сторон сдавленная, со всех сторон урезанная, со всех сторон оккупированная, под пятой победителей, стала почти неузнаваемой, быстро залечивает раны войны и энергично развивает свою производительность?

Национальный дух немецких вождей кует благополучие и славу своего отечества, в то время как грабительская политика интернационала разрушает все основы плодотворного труда.

Реальная сила и значение провозглашенных республик народов бывшей Российской империи вырисовывалась в глазах будущих красных узурпаторов в образе опасного врага на их путях распространения идей всемирной революции; нужно было во чтобы то ни стало завоевать симпатию народов, заверением неприкосновенности их суверенных прав, с тем, чтобы, укрепившись в своей силе, обнажить

свой истинный лик поработителя. Свою основную, начальную задачу — захват власти — большевики выполнили, руководствуясь чистой эмпирией, т. е. идя по линии наименьшего сопротивления. Это, собственно, означало, что они не столько руководили и направляли идейным движением русской революции, сколько стремились стать его инструментом, т. е. плыть за стихией, стараясь лишь угадать ее направление и своевременно попасть в первые ряды. Это означало далее — в отсталой стране, с политически неграмотным и пассивным русским населением, только что сбросившим с себя ярмо многовекового деспотизма, лишенным минимальной гражданской культуры, — что им легче и проще было укрепить свою волю и поработить освященные веками политического бесправия русские народные массы, поставив аппарат деспотической диктатуры своей партии над родиной именно великороссов. Обобщая свой исторический опыт в области разрушения феодально-помещичьего строя и национальной природы государственного бытия, большевики сделали заключение, что и задачи осуществления „социального рая" и удушение возрожденных народов должны поддаваться тем же методам гражданской войны, террора и обмана. И здесь было положено начало той непримиримой войны между порабощенными народами и советской властью, которая заполняет собою всю историю властвования большевиков. Если практика исторических событий нас убеждает в том, что система, построенная на преклонении перед всемогуществом насилия и обмана, есть иллюзия нескромных честолюбцев, то еще более утопический характер носит тот путь, который привел к осуществлению всей советской системы аракчеевского крепостного „социализма."

Каждый год узурпаторы торжественно, в присутствии представителей великих демократических стран, празднуют октябрьскую годовщину попрания суверенных прав ими теперь угнетаемых народов. Подготовка к этим торжествам, агитация, которая с остервенением ведется вокруг них, весьма выпукло напоминают о тех особенностях большевистской системы, которая слишком часто забывается европейскими политиками, когда им приходится при международной „игре" пользоваться и комбинациями с большевиками. Очень часто политики, вольно или невольно, не умеют или не хотят отделять чисто дипломатических и международных заданий от надлежащей оценки большевизма, как системы, преследующей определенные цели и за пределами „родины мирового пролетариата." Основной факт состоит в том, что и при стремлении советов сблизиться с „буржуазными" странами, большевизм органически не может отказаться от одной из главных своих целей — борьбы с „буржуазным" миром, с национальной природой великих исторических народов. Переход большевизма из изоляции к участию в европейских группировках создан, само собой надо разуметь, не переоценкой самого большевизма, но внешними обстоятельствами, из которых самое существенное значение имеет боязнь большевиков перед возрожденной национальной Германией. Не следует преуменьшать зловредного влияния на международные настроения советской власти — этой истинной сеятельницы раздора и поводов к пролитию человеческой крови. Изречение французского политика Сарро (ныне премьера Франции, выдвинувшего значение союза с Советами) о том, что большевизм — враг европейского мира, не есть только афоризм — это действительность. Стоит только прочитать лозунги, выпускаемые к октябрьским празднествам, чтобы видеть, что основная задача большевизма — создание мировой катастрофы — остается в силе. И теперь трудящиеся всех „буржуазных" стран должны заняться сокрушением существующего строя; и теперь возбуждение гражданской войны при помощи коммунистических партий стоит в порядке дня, а войны считаются Коминтерном неизбежным предисловием к великим решительным революционным боям. Дипломатические разговоры о возможном сожительстве в мире двух систем — коммунистической и буржуазной — это лишь слова, на фоне коих Коминтерн продолжает свои дела и занимается систематическим подрывом государственно-национального строя буржуазных стран. Сейчас эта двойная бухгалтерия выступает во всей своей обнаженности. Разве в Москве закрылись французская, американская и иных стран секции Коминтерна, когда большевистские дипломаты так усердно и последовательно добивались дружбы и союза с этими странами? Разве эти секции хоть на один момент прекратили свою разрушительную работу? В то время, когда Литвинов с планами дружбы и союза плыл в Америку, мощная московская радио-станция имени Сталина устроила сложную радио-инсценировку, в которой досталось всем буржуазным странам и Америке больше всех. Когда радио-чтец в ярких красках изображал ужасы Нью-Иорка и рисовал страдания и лишения трудящихся Америки, то, собственно, советские обыватели должны были себе поставить вопрос — почему „вожди" так гонятся за дружбой и кредитами этой „несчастной" американской страны, стоящей на краю гибели?

Очевидно, рядовые коммунисты могут об'яснить это только тем, что „вожди" сначала используют „глупых буржуев" для своих целей, а потом судьба „буржуев" будет решена взрывом подготовляемой Коминтерном мировой революции. Главе американской республики Москва шлет послание, говорящее о необходимости, к взаимному благу обоих народов, сотрудничества в области экономики и политики, и в тоже время международный интернационал профессиональных союзов выпускает сокрушительное произведение против политики того же Рузвельта, рекомендующее американским рабочим последовать призывам Коминтерна и заняться сокрушением системы, царящей в Соединенных Штатах Америки. Мы не знаем, как в Вашингтоне московские представители об'яснили эту феноменальную „неувязку"; но во всяком случае, традиционная оговорка о том, что Коминтерн и Профинтерн — это одно, а советский режим — это другое, вряд-ли могла иметь убедительную силу, ибо эта оговорка теперь лишилась даже последней формальной декорации. Важнейшие декреты в Москве подписываются уже официально и одновременно не только главою правительства, но и партийными вождями, что подтверждает миру полную слитность и тождественность коммунистической пар-

тии — ВКП(б), составляющей секцию Коминтерна, с государственным аппаратом. Если допустить, что результаты большевистской системы внутри Советов — беспримерные лишения населения, доходящие до голодного вымерания, организованный террор, попирание всех элементарных прав народов и личности и неслыханное духовное рабство — считаются европейскими политиками внутренним делом этой тюрьмы народов, в которое не следует вмешиваться, то та особенность большевистской системы, та двойная бухгалтерия, о которой мы говорили выше, уже имеет самую тесную, самую непосредственную связь с новыми комбинациями и новыми международными группировками. Метод двойной бухгалтерии большевизма здесь не может быть обойден: с ним приходится считаться, его приходится иметь в виду даже тогда, когда конкретная международная обстановка требует от государственных людей Запада создания группировок с участием страны большевизма. Конечно, во внешней политике больше всего царит принцип „les affaires sont les affaires", но при сделках международного характера особенности контр-агентов имеют весьма сериозное значение. Именно деловой подход и в области международной политики, требует познания природы большевизма и тех его свойств, которые так мало соответствуют существу европейской культуры, европейского международного общения. В 1934 году в Советской России вся печать уделила большое внимание 15-летию учреждения коммунистического интернационала. Выяснилось значение этого учреждения не только для страны Советов, но и для всего мира.

В Западной Европе обошли молчанием это событие, как не важное, имеющее интерес только для большевиков. Так-ли это? Когда 17 лет тому назад в Москве были собраны представители наиболее радикальных социалистических групп Европы и других стран света для создания коммунистического интернационала, Ленин в своей статье, помещенной в „Правде" от 5 марта 1919 года, увидел в этом событии факт мирового значении: III-й коммунистический интернационал, созданный в большевистской стране, должен был, по его мысли, стать необходимым органом мировой революции, средством переноса метод и целей русского большевизма на мировую арену. Если просмотреть хронологию деяний Коминтерна за эти 15 лет, помещенную в юбилейном номере „Правды", то мы видим, что работа этого учреждения, имеющего свою постоянную резиденцию в Москве, выполнялась и энергично, и последовательно. В зависимости от международных заданий советской дипломатии, от настроений, связанных с международной коньюктурой, направление работы Коминтерна, а иногда и темп, менялись: то он усиливал свою деятельность в той или иной стране, то ослаблял ее, но самый характер учреждения, цели его оставались постоянными и неизменными. По терминологии большевиков, Коминтерн — это главный штаб мировой революции, воплощающий в себе основную идею большевизма: непрерывную борьбу со всем буржуазным миром. Эта „в о е н н а я" фразеология отмечает очень важную и существенную особенность этого учреждения — а именно: восприятие способов и приемов войны в мирное время. Разложение существующей государственности: подготовка вооруженного восстания, разложение армии, проповедь насилия и измены — вот, что считается наиболее целесообразными методами борьбы. Стремление к диктатуре одного класса с непременным уничтожением всех других групп и партий (не исключая и социалистических); подчинение всех и каждого безграничному самодержавию одного или нескольких „вождей" единой партии; упразднение, и притом не только фактическое, но и принципиальное, всех гражданских свобод; создание во имя политики и сохранения власти неслыханного духовного рабства, — вот та идеология, которую усвоил Коминтерн.

Выполнение этой „генеральной линии" по практике русского большевизма было и остается обязательным для Коминтерна, пользующегося исключительно мощной поддержкой большевистского аппарата и средствами подневольного труда порабощенных народов Советской России. Коминтерн популяризовал широко, по всему миру, свойственное большевизму презрение и пренебрежение к тем устроям государственности и общественности, которые составляют смысл движения человечества вперед. Всевозможные „красные гвардии" и другие легальные и келейные вооруженные организации, созданные неустанной подрывной работой Коминтерна, творят весьма реальную угрозу устоям правопорядка в странах высокой культуры, за которые так долго боролось человечество, за которые столько веков приносились неисчислимые жертвы и которые прежде всего были уничтожены в большевистской России. В перечне „достижений" советской власти, этой носительницы духа разрушения и гнета, должны стоять и эти „заслуги".

Нынешний период нужно считать еще послевоенным, когда с великими муками и потрясениями творится новое равновесие в мире. Чудовищным призраком войны и разрушения все еще витает большевизм над миром, угрожая мировому сожительству народов, их свободному труду, их национальному достоинству. Большевизм должен исчезнуть в своих опасных внешне-политических формах с арены международного общения тогда, когда послевоенные настроения в странах культуры неизбежно заменятся чувствами и ощущениями, соответствующими миру и действительным интересам всех народов. Будем верить, что так называемая „идеология" великой войны, выдвинутая при самом начале ее, совсем не была ложью и лицемерием, что в этой идеологии проявилось инстинктивное осознание человечеством необходимости в результате войны добиться таких форм международного общения, которые в грядущем освободили бы мир от стихийных столкновений, войны, звериной борьбы и разгула жестокости и ненависти. Будем верить, что не фарисейством и слащавым пацифизмом были слова американского президента Вильсона, когда он в 1917 году мотивировал вступление Соединенных Штатов Америки в войну: „Мы хотим лишь принять участие в общей борьбе за права человечества... Мы радуемся возможности бороться за всеобщий мир, свободу всех народов, включая народ германский, отстаивая права народов, как великих, так и малых, решать — как они хотят жить и кому они хотят подчиняться". Эти благородные, творческие побуждения великой демократиче-

ской страны будут служить для порабощенных народов советской страны не только призывом к справедливости, но и путеводной звездой в их борьбе за правое дело.

Но ни одного призыва к великодушию, уважению общечеловеческого идеала не раздается из уст большевистских „вождей"; ни одного акта великодушия, этой добродетели силы, мужества и благородства, не произошло за все это время советской деспотии; большевики обращаются лишь к низменным чувствам мести и жестокосердия и этим инстинктам дали широкий простор. Достойны глубокого уважения и проникновенного значения слова проповедника мира и любви—Папы Пия XI; он сказал: „...Мы имеем врага, угрожающего всему и всем: святости семьи, государству, обществу; враг этот—коммунизм, который проник к несчастью всюду — где при помощи грубой силы, в других местах при помощи хитрости, в некоторых местах при помощи обмана, принимая самую успокоительную видимость. Многие, к несчастью, позволили обмануть себя, а может быть и нарочно притворяются, что не видят этого общего страшного врага и даже помогают ему, хотя-бы попутительством, а то даже и с некоторым явным сочувствием ввозят к себе эту злую силу, грозящую всем, единственная цель которой — разрушение всякого общества".

Восторг наших надежд и скорбь своих утрат будем связывать с судьбой наших братьев по несчастью и с непреклонной волей к освобождению от оков всех порабощенных большевистской тиранией народов.

Коста

К кавказской молодежи на оккупированной Родине

Настоящее обращение к вам, дорогие кавказцы, не является специальным замыслом, продиктованным каким-либо выдающимся, долгожданным событием или назревшим особенно подходящим моментом; оно не вызвано также простым желанием проронить и записать известное количество фраз с претензией на то, чтобы эти слова были признаны красиво сотканными или вещими. Мы руководствуемся лишь неудержимым желанием перекинуть несколько откровенных мыслей через тот окаянный рубеж, который в силу известных фактов и причин отделяет нас от вас. Это неудержимое желание является чем-то покоряющим, так как в нас здесь сильно сознание, что мы не отделены и не раз'еденены от вас духовно, ибо мы не являемся отщепенцами и изгнанниками своей собственной страны, в которой, скажем, остались бы создавать свою новую жизнь наши народы, избавившись от нас (зарубежников), как от своих врагов. Такое чувство может быть уделом только русской эмиграции, да и то, пожалуй, не во всех случаях. Что-же касается нас, кавказской эмиграции, то мы хоть и скитальцы, находимся вне своей Родины—Кавказа, но огнюдь не является изгнанниками и врагами своего народа: мы просто те счастливцы или неудачники, которые прорвались (скажем даже просто—просочились) через стальную сеть, накинутую захватническо-дерзкой рукой московского узурпатора на нашу Родину, на нашу извечно собственную страну. Мы ничем не можем быть поколеблены в нашей надежде на то, что в неминуемо-грядущий день освобождения наших народов из-под чужеземного ига, мы—скитальцы—будем приняты в об'ятия своих сородичей с открытой и большой радостью.

Это весьма ценное обстоятельство додает нам живительную силу в нашей борьбе за существование и за осуществление чаяний наших народов, в которой мы искренно скорбим за их теперешние невзгоды и так-же восторженно радуемся их мимолетным радостям и случайным проблескам в том мраке, в котором они пребывают.

Молодые братья и сестры, цвет и гордость кавказской нации! Мы не должны боятся той атмосферы, которая создана для вас русскими „культуртрегерами" красного образца. И если эта атмосфера для вас очень тяжела, то, все же, она не в силах оказаться гибельной для ваших молодых сил и вашего пламенного духа. Пусть там процветают и „углубляются" (для видимости) все марксовы „добродетели", это не должно заставить вас терять национально-народную почву под своими ногами. Совсем близок час, когда мы покажем „на зло надменному соседу" (северному),—как нужно создавать жизнь на началах истинной свободы, в духе наших обычаев, нравов и вековых традиций. Открыв же очередную страницу прерванной истории нашей независимой государственной жизни, начнем смелой и твердой рукой вписывать в нее факты, которые не посрамят наше героическое и славное прошлое. Тогда вы воочию убедитесь,—каким цинизмом, какой профанацией и каким пролетарско-солдатским фарсом являются все проявления „ленинской национальной политики" и какие горькие плоды вас заставляли пожинать чужие гнусные хозяева в нашем краю. Нам нетрудно будет доказать миру, что кавказские народы могут блестяще пользоваться добытым священнейшим правом на самостоятельно-политическую жизнь и не менее блестяще закрепить это право за собою раз и навсегда.

Молодое наше поколение! Наше светлое будущее не может затмиться теперешними вашими навыками, периодическими увлечениями, эгоистическими целями и теми вынужденными поступками и поведением, которые, не гармонируя с именем кавказца, не могут стать вашей второй натурой. Как мало ценим ваш коммунизм самими красными оккупантами, так мало-же принесет он вреда нашим бессмертным традициям и идеалам наших народов. Нам вполне понятно, что многим из вас приходится порой придерживаться той тактики, которую можно определить словами — „поцелуй ту руку, которую пока не можешь отсечь". Но несмотря на это нужно быть душой и сердцем бескорыстным служителем своему народному делу, доказав это в будущем фактами и делами, пока тщательно скрываемыми. Находясь вдали от нашей изнывающей Родины и прилагая возможные усилия в деле пропаганды кавказской проблемы, мы порой встречаем сочувственное соболезнование по поводу того, что, мол, на оставленной нами Родине народилось и выросло новое поколение, не видевшее ничего, кроме той обстановки и положения вещей, которые установились при большевистско-комунистическом режиме; благодаря этому, дескать, наши стремления по осуществлению задачи нашей независимости могут оказаться для этого поколения, если не чуждыми, то во всяком случае не так близкими их сердцу.

Но вы, ведь, сами (лучше нас) чувствуете и сознаете, что подобного упрека вы далеко не заслуживаете. Молоко ваших матерей, которое вы в себя всосали в детстве, и кровь, какова течет в ваших жилах,—не являются-ли достаточной гарантией того. что вы не можете быть совершенно равнодушными ко всему тому, на чем базируются все расчеты по осуществлению нашей основной цели?! Да разве можно хотя бы допустить мысль, что вы не являетесь прежде всего истинными кавказцами, любящими свой народ и свою собственную страну, готовыми при нужном случае отдать свою жизнь за ее освобождение?! К тому-же вокруг нас не так, ведь, все спокойно, чтобы самые наивные из нас не отдавали себе отчета в том, что наши народы терпят какую-то вопиющую несправедливость; количество и характер всевозможных выпадов против оккупантов в достаточной степени выясняют ту цель, которую каждый из вас должен преследовать:—разбить оковы вражеского ига! Как можно предполагать, чтобы у большинства из вас не гнездилась мысль, связанная с перспективой тех светлых дней, когда вы с развязанными руками,

открытой душой, с полным сердцем и неудержимой энергией, без боязливых оглядок отдадите себя целиком строительству своего края, собственного государства и служению интересам только родного народа?! Нет, подобные предположения и сомнения редко кем из нас овладевают и никогда не вызывают в нас уныния.

Тяжелые испытания, на вас выпавшие, отойдут рано или поздно в область жуткого прошлого, но вы должны жить и поступать так, чтобы приблизить день светлого и радостного освобождения. Старайтесь всем вашим действиям, замыслам и поступкам придавать характер пробных маневров для подготовки себя к той неизбежной схватке с врагом, которая должна принести нашим народам победу и свободу. Самый лучший вид „вредительства" (в ущерб оккупантам), это—обострять в себе и разжигать в других глубокую ненависть к наследникам царских поработителей, к теперешнему разнузданному авангарду русского империализма в красных колпаках.

Так накопившаяся ненависть окажется хорошим зарядом для той бомбы, от взрыва которой полетят во-свояси непрошенные „опекуны", включившие силой красных полчищ наш богатый и прекрасный край в территорию „отечества пролетариев всех стран". А пока не падайте духом, не впадайте в уныние и апатию; не будьте национал-пораженцами и откиньте всякую мысль примирения с царящим в нашем крае кошмаром неволи и крепостничества! Будьте истинными и преданными сынами свободолюбивого и чарующего Кавказа; чтите наши дедовские заветы, блюдите наши вековые традиции с истинным благоговением; почитайте тех старших, у которых больше чем у кого либо обливается кровью сердце, видя, как дерзкий враг глумится над всем тем, что так дорого и свято для каждого самобытного народа; не опускайтесь настолько, чтобы сами сделались носителями и распространителями занесенной к нам заразы; не взирая ни на какую убогость, не заражайтесь плебейским духом, цените свою врожденную гордость; берегите свою душу от вражеских плевков, не оскверняйте свою совесть из-за временных благ; остерегайте крепость наших традиций и фундамент вашего единения—семью от всяческой профанации; держите высоко честь нашей несравненной женщины—героини, восхваляйте ее и чтите; держитесь тесно друг-друга, проникайтесь взаимным доверием, дабы каждым в отдельности из вас не завладело чувство покорства той злой судьбе, которая является делом рук человеческих (вражеских) и с каковым надо бороться, не уставая, до конца; возвышайте и облагораживайте свой дух изучением истории своего народа, лелея заманчивую и прекрасную перспективу будущей свободной, самостоятельно-государственной жизни дружной семьи кавказских народов; это будет для вас как-бы чистилищем от всей той грязи, которая к вам невольно прилипает; мы верим, что не оторвет вас от своего народа никакая дьявольская сила, а внешнее ваше поведение может быть угодно временным хозяевам, лишь бы вы не сделались их духовными рабами; а потому, будьте лучше рабами тех велений, которые диктуются чаяниями наших народов, в которых никогда не угаснет пламенное стремление к добытию неоспоримого и священнейщего права на независимую государственно-политическую жизнь!

То недомогание, которое переживает наша Родина под игом московских узурпаторов, не будет вечным; но вы, молодые наши силы, должны своим самопожертвованием, всеми фибрами своей души приблизить этот день освобождения. Историю своего народа создают только люди, музы и боги только покровительствуют! Плаксивый ропот на какую-то судьбу и мольбы к небу с опущенными руками никогда не были в привычке кавказцев! Наш край захвачен грубой силой, которая, нужно признать, никогда бы нас не сломила, если-бы народы Кавказа во-время закрепили свое единство и не забыли такой простой, но так важной истины: в единении—сила. Распространяйте же и укрепляйте в каждом собрате—кавказце сознание вопиющей необходимости этого единения, которое, мы знаем, уже есть, но не приобрело еще характера стихийности. Время подчас является хорошим лекарством для забвения какого либо горя, но известная давность нашего последнего порабощения да окажется тем ядом в ваших руках, которым бы смогли вытравить наших поработителей.

Кавказская молодежь! При всех ваших страданиях и кошмарных переживаниях, при ваших промахах, неудачах и грехах (вольных или невольных), крепите в себе веру в скорое освобождение, а мысль об этом пусть никогда вас не покидает; стремитесь стать достойными потомками наших славных предков, которые не скупились орошать своей кровью каждую пядь защищаемых земель от нашествия „христолюбивых" варваров; для успешной борьбы с тиранами вы должны сделаться титанами; ваши молодые пламенные натуры должны сделаться теми драгоценными сосудами, в которых бы скристализовались все те ценности, коими наши исстрадавшиеся народы смогли бы украсить самое дорогое всем нам сокровище—свободный и независимый Кавказ!

Б. Билатти

Проблема проливов и Советская Россия

Проблема Черного моря и проливов на данном этапе своего развития далека еще от такого разрешения, которое могло бы удовлетворить в достаточной степени заинтересованные в ней народы. Вековой спор, начатый с появлением России у черноморских берегов, продолжается и по сие время. Лозанский трактат, устанавливая в проливах и на Черном море режим нейтрализации и свободного плавания, дал проблеме лишь временное разрешение, затушевал только на короткое время существующие здесь противоречия.

Трактат этот, будучи заключен в основном за счет интересов и престижа Турции, должен был рано или поздно выдвинут Турцией для нового пересмотра с целью изменения наиболее обременительных пунктов.

И действительно, в течении последних лет правительство Турецкой республики неоднократно намекало на необходимость такого пересмотра, ожидая, повидимому, благоприятного момента, когда вопрос этот мог быть поставлен во всей своей полноте.

Освобождение Германии от последних сервитутов, наложенных Версальским трактатом, как равно и введение в Австрии закона о всеобщей воинской повинности, а также осложнения в бассейне Средиземного моря, вызванные итало-абиссинской войной, создали ожидаемые турецкой дипломатией условия, и мы видим, как она с присущей ее смелостью решительно выдвинула на международное обсуждение жизненный для нее вопрос.

В своей ноте, разосланной в начале текущего месяца заинтересованным государствам, турецкое правительство доказывает необходимость ремилитаризации проливов и полного восстановления суверенитета своей страны „в той части ее территории, безопасность которой необходима для безопасности всей страны". Указывая в дальнейшем на те радикальные изменения, которые произошли в общей обстановке Европы с момента подписания Лозанской конвенции в 1923 году, когда „Европа шла к разоружению и ее политическая организация должна была основываться единственно на нерушимых принципах права, закреп-

ленных международными обязательствами", и которые поставили мир перед угрозой новой войны,— нота обращает внимание государств на ненормальное положение, создавшееся для Турции, „подверженной в своем наиболее уязвимом пункте худшим опасностям без какого либо противовеса этой тревожной необеспеченности", благодаря тому, что позиция гарантов безопасности проливов по отношению к Лиге наций резко изменилась и тот минимум гарантий, который они установили для безопасности проливов, сделался настолько сомнительным и даже нереальным, что „равновесие всей конвенции оказалось нарушенным в ущерб Турции и европейскому миру".

Поэтому, исходя из того, что практика Лиги наций показала полную несостоятельность нынешнего механизма коллективных гарантий, служащего основанием для 10-ой статьи устава Лиги наций, а следовательно и полную бессодержательность 18-ой статьи Лозанской конвенции, гарантирующей безопасность проливов и по существу дополняющей только гарантии 10 статьи устава Лиги наций, нота отмечает, что „Турция имеет право требовать для себя той безопасности, которую она всегда обеспечивала другим".

Нота предвидит и возможность одностороннего акта, ибо „на карту поставлено существование Турции и безопасность всей ее территории", а потому „правительство республики может быть вынуждено принять на себя всю ответственность, которая ложится на него, применяя меры, диктуемые с повелительной необходимостью обстоятельствами".

Но это крайний путь, так как в заключение нота ставит в известность государства, принимавшие участие в обсуждении конвенции, что правительство республики „готово начать переговоры с целью достигнуть в краткий срок заключения соглашений, предназначенных урегулировать режим проливов в условиях безопасности, необходимых для неприкосновенности турецкой территории, и в наиболее либеральном духе в смысле постоянного развития торгового мореплавания между Средиземным и Черным морями".

Таким образом, как видим, ремилитаризация проливов должна сопровождаться закрытием их для военных кораблей (частичным или полным), так как в заключительной части ноты говорится лишь о „развитии торгового мореплавания".

Поскольку не так еще давно даже намеки на возможность изменения режима проливов вызывали энергичное противодействие со стороны государств, заинтересованных в сохранении „открытых дверей" из Средиземного в Черное море и обратно, постольку теперь турецкое предложение не только не встретило возражений, но, наоборот, многими из упомянутых государств было принято с явной доброжелательностью.

В этих условиях вопрос о ремилитаризации проливов надо считать предрешенным и, таким образом, долголетние усилия турецкой дипломатии увенчались полным и заслуженным успехом.

Во всем этом, нас особенно интересуют позиции Советской России, которая—вопреки, казалось бы, жизненным интересам и наперекор традициям русской политики—в полном об'еме солидаризуется с точкой зрения Турции.

Мы не должны забывать, что на протяжении всего XVIII века Россия систематически стремилась овладеть Черным морем и путем расширения своих владений по его берегам старалась превратить его во внутреннее русское море. Добившись на нем гегемонии фактически уже при подписании трактатов в Кучук-Кайнарджи (1774) и в Яссах (1792), Россия во все последующие времена, вплоть до последней мировой войны, была занята мыслью о захвате проливов и всячески отстаивала принцип свободного в них плавания.

К началу XX века, когда с усилением экономической эксплоатации Украины, Крыма и Кавказа центр хозяйственной жизни России был перенесен более на юг, принцип „открытых дверей" в проливах был защищаем русской дипломатией с удвоенной энергией.

Украинское и северокавкасское зерно, украинский уголь и кавкасские нефть, марганец, цемент и т. д. были отправляемы заграницу почти исключительно через черноморские порты и проливы. Таким же путем шла в Россию и значительная часть обратной волны импортированных продуктов, предназначенных для удовлетворения нужд не только перечисленных выше „окраин", но и Идел-Урала, Туркестана, центральных районов России и даже Сибири.

О степени опасности для русской торговли, вытекающей из факта закрытия проливов, может свидетельствовать случай, имевший место в 1911 г. во время итало-турецкой войны. Кратковременное закрытие проливов, имевшее тогда место, приносило русским экспортерам до 30 миллионов рублей убытку и повлияло на финансовую политику правительства, заставив его увеличить учетный процент государственного банка.

Сейчас-же, как мы отметили, советская дипломатия поддерживает турецкий тезис полного суверенитета Турции в проливах, хотя экономические веления диктуют здесь по прежнему России необходимость защиты принципа „открытых дверей".

В этом отношении теперешнее положение напоминает обстановку, в которой принята была Лондонская конвенция 1841 г., направленная в своей сущности против России и ликвидирующая преимущества последней, полученные в 1833 г. по договору в Хункиар-Искелесси.

Лондонская конвенция была подписана Россией без особенного противодействия, хотя надолго откладывала мечты России о захвате проливов, ограничивая одновременно и свободу ее экономических сношений на Черном море. Конвенция эта в основном совпадала с нынешним турецким предложением, так как восстанавливала суверенитет Турции в проливах, нарушенный договором 1833 г., и закрывала проливы для военных судов всех государств.

Если мы учтем, что время подписания конвенции совпало с наиболее крупными успехами Северного Кавказа в борьбе с Россией, что за несколько месяцев до подписания конвенции весь черкесский берег Черного моря был освобожден от русских укреплений и войск, а Имам Шамиль громил отряды царских генералов в Дагестане, то русская

сговорчивость в этот как ни как критический момент станет для нас понятной. Ограничение свободного плавания в проливах для всех государств развязывало руки России на Кавказе и это обстоятельство компенсировало в тот момент с излишком неудобства, которые несла с собой для России Лондонская конвенция.

Аналогичными тенденциями руководствуется сейчас и Россия советиризованная. Она не желает допустить иностранного вмешательства в ту борьбу, которую ведут с ней народы Кавказа, Крыма, Украины и всего прометейского фронта—вмешательства, для которого наиболее удобный путь ведет через проливы и Черное море. Только из этих тенденций исходит сегоднешняя черноморская политика России и только здесь надо искать истоков той сугубо коньюнктуральной „дружбы", которую питает Москва к своей соседке Турции.

Но это не значит, что русский империализм навсегда отказался от своих ближневосточных вожделений, от символического „креста над Айя-Софией" (на этот раз, быть может, в виде пятиконечной звезды) и от проливов.

Об этом говорит нам динамическая сила, сохраняемая этим империализмом во всех иных направлениях, которые также, как и идея захвата проливов, начертаны были уже более двухсот лет тому назад. На западе, у южных берегов Каспийского моря, в центральной и восточной Азии — т. е. всюду там, куда пыталась проникнуть и отчасти уже проникла Россия со времен Петра I, по старому и с не меньшей энергией подготавливается почва для новых захватов и для новых насилий.

В этих условиях сегоднешняя точка зрения России в вопросе проливов является одной из многих „передышек", за которой последует и здесь возврат к прежним формам — возврат, который наблюдается сейчас не только в вопросах внешней политики, но и во многих других отраслях русской жизни.

Только в этой плоскости можно рассматривать ответ на турецкую ноту в вопросе проливов, который был вручен 16 апреля Литвиновым послу Турецкой республики в Москве г-ну Зекяи Апайдын.

* * *

КОСТА ХЕТАГКАТЫ*)

(К 30-летию со дня смерти)

Тридцать лет тому назад, 1-го апреля 1906 года, умер Коста Хетагкаты, осетинский поэт, который с полным правом может быть назван национальным поэтом всего Северного Кавказа.

Многочисленные и разнообразные мысли и чувства, воспоминания и надежды вызывает это имя в наших сердцах. С именем Коста Хетагкаты связывается гнет и произвол чужеземной власти на нашей Родине, оно говорит нам о мечтах народа о своем освобождении, собственной культуре и самоопределению, с ним связан и призыв к борьбе и единению, наконец, оно звучит в наших ушах тонкими напевами „Iron Fændyr'a" — „Осетинской Бандуры", сборника стихов, оставленного в наследие потомкам.

Биографические вехи жизни Коста Хетагкаты сводятся к следующему. Родился он в нагорной Осетии, в ауле Нар, 5 ноября 1863 года. Отец его, состоя на русской службе, постоянно проживал в гор. Терк-Кала и лишь изредка наезжал в горы проведать семью. Матери своей поэт не помнил: он потерял ее, когда ему было около 2-х лет. Не запомнил он и материнской ласки.

„Покинул меня мой отец,
Не знал я материнской ласки," — пишет он в стихотворении „Rakæs" — „Взгляни", а в другом стихотворении: „Tæxudy" — „О если-бы!", возвращаясь к той же мысли, он с грустью говорит:

„Счастлив, кто в пору малолетства,
Кто в раннюю свою весну,
Узнал всю сладость материнской ласки"...

Осиротевшего 2 летнего Коста отец передал на попечение блиской родственницы, Чендзе Хетагкаты, у которой будущий поэт пробыл 2 с лишним года. Когда ему было около 5 лет, отец его женился вторично и мальчик опять попал в родной дом. Мачеху свою вспоминает он без особенной отрады. В стихотворение „Ci dæ?" — „Кто ты?", имеющем отчасти автобиографический характер, он называет мачеху „злой женщиной" и говорит о ней:

„Дает ли что-либо она — пинок,
Ласкает ли она — побои"...

В 1871 г., после предварительной частной подготовки, Коста был отдан в реальное училище в Терк-Кала. К этому времени относится переселение отца его Леуана в аул Лаба в нынешней Карачаевской авт. области. Коста был оставлен в Терк-Кала и определен в пансион реального училища. Не долго пробыл он здесь. Соскучившись по родным, он с одним из родственников сбежал из Терк-Кала в Лаба. Его вновь пришлось устраивать. На этот раз Коста отвезли в Калажинскую горскую школу в б. Майкопском отделе, где он пробыл 1872—73 учебный год. В следующем году Коста был отдан в Ставропольскую гимназию и пробыл в ней до 6-го класса. Обладая недюжинными способностями художника, он оставляет гимназию и поступает в Петербургскую Академию художеств. В Академии Коста пробыл три года. До завершения работы оставалось совсем мало. И вдруг он лишается почти у конца пути стипендии. Горские стипендиальные суммы, из которых

*) При составлении настоящего очерка была использована статья Цомака Гадиты, помещенная в „Изв. Сев.-Осет. научно-иссл. инст. краеведения", вып. I.

Xetægkaty Khosta

DODOJ

Dodoj fækænat, næ rajguræn xæxtæ!..
Sau fænykæj uæ ku fenin fæltæu!
Zæj uæ fælasa, næ tærxony lægtæ...
Iu ma uæ fezmæləd isku lægau!...
Iskæj zærdæ uæ dzynazgæ nyrrizæd,—
Iskæmæ baqaræd adæmy qyg;
Sidzærty mæstæj uæ isči færissæd,—
Iu mæ uæ razynæd iu cæstysyg!..
Fidar ræxystæj nyn ne uængtæ sbastoj,
Ruxs kuvændædtæj xyndžylæg kænync;
Mard nyn næ uadzync, næ xumtæ nyn bajstoj,
Styræj, čysylæj næ uyistæj næmync!..
Khordgaj nyjistæm, nyuaxtam næ bæstæ,
Fosy ma aftæ nyppyrx kæny syrd...
Rauaj ma, rauaj, næ Fijau, næ fæstæ,—
Iumæ næ rambyrd kæ arfæji dzyrd!
Xe, uo-uæj! ne znag næ bylmæ fætæry...
Kadmæ bælgæje,— ægadæj mælæm!..
Adæmy farnæj khædzæx dær nynnary..
Xæjt, mardzæ, isči... bynton sæft kænæm!

Xetægkaty Khosta

KATAJ

Mæ xælar, mæ uarzon, ænæzongæ uarzon!
Cy nomæj dæm badzuron, uyj ma myn zah?..
Mæ zærdyl dæ daryn cy nyfsæj færazon,
Mæ rajguræn bæstæ, mæ fydalty zæx?..
Mæ rajguræn bæstæ! Dæ ajnæg khædzæxæj,
Dæ fidar fæltærd riuæj qusyn qærzyn..
Mæ xælar, mæ uarzon! Dældzæxæj, uældzæxæj,
Kæmdæriddær dæ,— tahd mæ qærmæ fæzyn!..
Qær mærdtæm dær qusy,— ku bambæxsaj baræj,
Uæd uysy kærdæny mygkagmæ fæxæt!

KOSTA HETAGKATI — КОСТА ХЕТАГКАТЫ

Mæ mæguyr Iriston!.. Arcæuæg ældaræj,
Tyxgænæg xæddzuje dæ ma mæ uæd mæt?
Tyxgænæg xæddzumæ kæd isku fændonæj,
Æuænkkagæj radtaj ræstænqæl dæ bar,—
Mæ xælar, mæ uarzon! Nymmæl myn fæsmonæj,
Dy isku xæddzuje ku skænaj ældar!.

получал свою стипендию Коста, были растрачены неким Кузовлевым, русским „опекуном" северо-кавкасской учащейся молодежи, и все стипендианты очутились без средств. В 1883 г. Коста пришлось оставить Академию и он выехал в Терк-Кала.

В Терк-Кала Коста начинает всматриваться в безотрадную жизнь своего народа. В душе его уже шевелятся мелодии протестующих песен и слагаются пламенные негодующие стихи. Живет он в то время живописью и литературным заработком, сотрудничая в местной и петербургской печати, где освещает преимущественно вопросы горской жизни. Его имя постепенно становится знаменем борьбы с русской администрацией. Его песни и стихотворения в рукописном виде уже разносятся по Осетии. Администрация начинает искать повод, чтобы избавиться от такого „беспокойного" человека, как Коста. Повод этот вскоре представился. Вследствии происков „Общества восстановления православного христианства на Кавказе", поддерживаемого начальником Терской области г.-л. Кахановым и местными прихлебателями русской власти, решено было закрыть т. н. Осетинский женский приют (школу), существующий с 60-тых годов. Часть осетинской интелигенции, во главе с Коста Хетагкаты, выступила за сохранение женской школы. Были поданы соответствующие прошения и адреса, и школу удалось отстоять. Но, зато, лица, которые вели борьбу за школу, так или иначе пострадали. Коста, как вожак во всей этой истории, был выслан административно в трехдневный срок из пределов б. Терской области „за подстрекательство живущих во Владикавказе осетин к подаче неправильных прошений и неузаконенных адресов". Это происходило в 1891 году.

Лето 1891 г. Коста провел у своего отца Леуана, а затем выехал в нагорный Карачай. В 1892 г. умирает отец поэта, а весной 1893 г. поэт переезжает в Ставрополь. Здесь он отдался опять публицистике, сотрудничая в газете „Северный Кавказ", в издательство которой он вступил пайщиком; сотру-

дничал он и в других газетах, освещая всюду ту же многострадальную жизнь коренного населения Северного Кавказа.

В 1895 г., после продолжительных хлопот Коста, сенат отменил его высылку из пределов Терской области. Но зная мелкую мстительность русской администрации, Коста воздержался от немедленного возвращения в Терк-Кала и продолжал оставаться в Ставрополе.

В 1896 г. фактически, а с 1897 г. и формально, Коста Хетагкаты вышел из издательства „Северного Кавказа". К этому времени все сильнее и сильнее давал себя знать костный туберкулез (на правой ноге), которым поэт заболел в середине 90-тых годов. Лето и осень 1897 года больной поэт лечится в Нарцана (Кисловодске), а в начале 1898 г. переезжает в Псыхуабе (Пятигорск).

Здесь, с 15 января 1898 г., он поступает на службу в Управление Кавказских минеральных вод в качестве „исполняющего должность помощника делопроизводителя". И в этой должности, дающей ему возможность скромного существования, судьбы горцев продолжают его интересовать и волновать по-прежнему. По-прежнему он пишет в газетах (между прочим, в „Сыне Отечества", „С.-Петербургских Ведомостях" и др.) о злобах горской жизни: о неурядицах в управлении, о произволе администрации, о расточаемых властью общественных средствах, о т. н. горских штрафных суммах, произвольно взыскиваемых с коренного населения и бесконтрольно расходуемых, и т. д. Администрация области, обеспокоенная разоблачительной работой Коста, стала изыскивать новые средства с целью борьбы с своих врагом. На этот раз она пошла на открытый обман.

В конце ноября 1898 г. в Терк-Кала, в доме некого Дудиаты, была свадьба. Танцы, происходившие во дворе, сопровождались по горскому обычаю стрельбой. Находившийся невдалеке военный пост предложил гостям не шуметь и не стрелять. Последние не подчинились. Тогда был вызван отряд конных казаков, и между гостями, вышедшими в количестве около 20 человек на улицу, и казаками произошла свалка, закончившаяся ранением одного из казаков. Вызванные воинские подкрепления арестовали некоторых из сопротивляющихся осетин. Среди арестованных оказался некто Хетагкаты, также носивший имя Коста, но сын Созрыко, тогда как наш поэт, как известно, был сыном Леуана. Это совпадение было использовано администрацией. Коста Хетагкаты, сын Леуана, разоблачитель темных дел русской администрации и поэт-общественник, проживающий в момент описываемого происшествия в Псыхуабе и уже несколько лет не посещавший Терк-Кала, постановлением совета главноначальствующего на Кавказе, был сослан в Курскую губернию на 5 лет за то, что „во главе вооруженных осетин оказал сопротивление военным и полицейским властям".

Узнав об этом странном постановлении, поэт ранней весной 1899 г. поспешил из Псыхуабе в Петербург, чтобы здесь при содействии своих знакомых добиться отмены постановления. Все, что ему удалось добиться, — это замена Курской губернии Таврической губернией.

В конце мая 1899 г. Коста Хетагкаты приезжает в гор. Херсон, затем проживает некоторое время в Очакове и возвращается опять в Херсон.

В это время в Терк-Кала выходит в свет первое издание „Iron Fændyr'a", напечатанное заботами друзей поэта. Власти, предполагая, что в сборнике находятся и „крамольные" песни поэта, ходившие по рукам еще с 80-тых годов, налагает на него арест. Но эти стихотворения не были включены в сборник, продолжая распространяться в рукописном виде и находясь вне досягаемости администрации. Арест с сборника поэтому был снят в том же 1899 году.

К началу 1900 г. Коста получает телеграмму, что „главноначальствующий на Кавказе" (в то время таковым был кн. Голицын) ничего не имеет против его проживания в пределах Терской области, „за исключением г. Владикавказа и Владикавказского округа". Оставалось теперь получить бумаги и этим оформить право возврата на Кавказ.

В марте 1900 г. поэт выезжает в Псыхуабе, а затем в Ставрополь. В 1902 г. ему разрешают проживать и в Терк-Кала, куда он и переселяется.

Его бодрит и окрыляет надежда работы; он думает об искусстве, о постоянном сотрудничестве в местной печати. Но долгие годы гонений и изгнания надломили силы поэта. Коста заболевает смертельной болезнью. В 1903 г. его, совершенно утомленного и обессиленного, увозят в аул Лаба, где он пробыл до дня смерти.

1 апреля 1906 г. Коста Хетагкаты скончался. Прах его был перевезен в Терк-Кала и похоронен при огромном стечении народа, который прибыл отдать последний долг останкам своего печальника, верного борца и поэта.

* * *

Творчество Коста Хетагкаты носит глубоко национальный колорит. Материал и сюжеты для своего творчества Коста брал из родной ему северо-кавкасской мифологии (в ее осетинской передаче), из народного быта, наконец, из личных наблюдений над тогдашней действительностью Северного Кавказа и личных переживаний. В его сюжетах нет ни надуманности, натянутости, ни quasi художественной фальши.

Будучи простым и крайне естественным в сюжете, Коста одновременно был истинным мастером осетинского слова. Свой стиль, свои обороты, свои сравнения и образы, словом язык своей поэзии, Коста почерпнул из гущи настоящего народного языка. В его творчестве совершенно отсутствуют руссицизмы, которыми грешат некоторые последующие и современные писатели и поэты Осетии. Язык Коста самобытен и народен в лучшем значении этих понятий.

Но наибольшей заслугой Коста является то, что свое поэтическое дарование, свой граненный стих он предназначил исключительно на служение общественно-национальным идеалам, став подлинным народным поэтом-общественником. В своих творениях он неоднократно подчеркивает именно этот характер своего призвания.

„Если бы я меньше должен был народу,
Если бы я выплатил свой долг,
Я не пел бы с такой печалью,

Не слышно было бы моего рыдающего голоса"— — пишет он в стихотворении „Nystuan"—„Послание".

В стихотворении „Nyfs"—„Надежда" он пишет:

„Сердце нашего народа — моя пашня,
Заботы нашей родины — моя осенняя молотьба."

Времена Коста были не менее тяжелы, чем современная действительность Северного Кавказа. Русская политика и тогда имела перед собой задание окончательно задавить огонь свободолюбия в сердцах горцев, разрушить их быт, язык, нравы и обычаи. Царские учреждения, как сейчас советские, руководствовались лозунгом „divide et impera", стремясь всячески внести разлад в многовековую национальную общность Северного Кавказа. Школа, суд, печать, администрация — все это служило указанной цели.

Гений Коста, мыслящий и чувствовавший национальными категориями, не мог не видеть истинных устремлений русской политики и не мог на них не реагировать. Чувствуя, что всякое соглашательство, всякий оппортунизм в этих условиях лишь способны ухудшить положение, он осуждал малодушных и призывал к сопротивлению, к борьбе против мероприятий чужеземной власти.

„Да не найдет душевного покоя тот,
Кто разрушает добровольно жизненный строй наш"—

говорит он в стихотворении „Saldatag"—„Рекрут", осуждая оппортунистические тенденции в северокавкасской среде. Еще более определенно говорит он в стихотворении „Kataj"—„Тоска":

„Мой друг, да умрешь ты от раскаяния,
Если когда-либо пришельца сделаешь своим господином."

Но особенно знаменательным в творчестве Коста является то, что он за несколько десятков лет до нашей эпохи—эпохи великих национальных руководителей—был проповедником идеи „Вождя", которая на Западе только теперь получает свое развитие. Организовывать массы, по мнению Коста, должен не коллектив, а воля Вождя—Пастыря, как он говорит. Этот мотив красною нитью проходит во всем его творчестве. Так например, обращаясь к горской молодежи в стихотворении „Ænæ Fijau"—„Без Пастыря", он говорит:

„В дремучий лес ты забрела, рассыпалась по поросли.
Беспокойна и жадно, как голодное стадо,
В одиночку ищешь ты прошлогодние стебли
И, как голодное стадо, гибнешь...
О еслибы когда-либо запел твой Пастырь
С вершины какой-либо темной скалы...
Как стройное стадо, собрал бы тебя
Кто-либо своим счастливым призывом!"

Идею „Вождя" он утверждает и в наиболее популярном своем произведении—„Dodoj", написанном в 1886 году. Скорбь поэта по поводу недоли родной страны достигает в этом произведении наивысшего напряжения. С неменьшей силой жаждет он и прихода долгожданного Вождя нации—Пастыря. Приводим это стихотворение в почти дословном переводе:

„Пусть стонут родные нам горы!..
Лучше бы мне видеть их превращенными в черный пепел!
Пусть вас обвал унесет, наши старейшины...
Пусть кто-либо из вас зашевелится, как подобает мужчине!...
Чье либо сердце пусть задрожит в печали, —
Пусть кто-либо проникнется народными невзгодами;
Да почувствует хоть один печаль покинутых,
Кто-либо пусть разделит их горе!..
Крепкими цепями сковали наши члены,
Наши святыни подвергаются осквернению;
Мертвецов не оставляют в покое; наши земли отобраны от нас.
Секут нас лозой от мала до велика!
Мы разбились на части, забыли Родину —
Так стадо разгоняет дикий зверь...
Приди же, приди к нам Пастырь желанный
Мудрым словом своим собери нас во-едино!
Увы! враг гонит нас к пропасти...
Желая славы, гибнем бесславно!..
Для счастья народа может загреметь и скала...
Эй! отозвись кто либо... гибнем совершенно!"

Чтобы округлить характеристику творчества Коста Хетагкаты, необходимо сказать несколько слов о его лиризме. Лиризм вообще основной тон поэзии Коста. Все его произведения окрашены в определенное чувство — то сострадания, то симпатии, то негодования. „Безразличного" творчества у Коста нет. Он лирик по преимуществу. Грустит ли он, негодует ли, призывает к борьбе — для всего он как бы извлекает слова из глубины своего естества. Все писания его как бы окрашены кровью его собственного сердца. Лирические моменты одинаково сильны у Коста как в произведениях обще-идеологического характера, так и в произведениях, связанных непосредственно с его личными переживаниями.

Глубина переживаний была несомненно и основной причиной душевной болезни, которая надорвала силы поэта и стала причиной его смерти.

Æsson

Герои нартовских сказаний

II

НАРТ АХСИНА — САТАНА

В сонме женских героинь и божеств древней Нарты самою яркою и самою выдающеюся представляется нарт Ахсина-Сатана.

Она по происхождению дочь бога вод, Дон-Беттира (водяной — по осетински). До замужества ее местожительство находится на дне морском, в великолепном дворце бога вод, морей, где она восседает на троне из слоновой кости, цвет которого

только и гармонирует с белизною ее собственного тела. От нее же расходится свет и сияние во все стороны.

Но если местом ее ночной стоянки являются воды, ее постоянный дом в девичестве, то местом ее дневной активности представляется земля. На земле появление Сатаны неизменно связано с ранним утром, в виде белой лани или белого зайца, которого спугивает преследующий охотник, либо Уастырджи, либо Оразмаг, либо Сослан-Сосрыко. При этом, ни Оразмаг на своем небесном ветрогоне—Арфане (арфан – небесный по осетински), ни Уастырджи, ни Сослан, не могут настичь убегающей лани или вообще добычи, которая ищет местом своего убежища море, куда и бросается от преследователя. Нужно ли отмечать, что мотивом для ее преследования со стороны Уастырджи и Сослана является желание физического обладания ею, поглощения ее, точно также как охотник Оразмаг хочет поймать ее, добычу, и в конце концов становится ее обладателем в виде мужа.

Как многие другие герои и божества древней мифологии вообще, Сатана имеет несколько имен. В дигорских версиях она известна преимущественно как Ахсина, Ахсина-Афсина и реже как Сатана или Сила Сатана. В адыгейских вариантах она зовется Сатане или Сатаней, а в ингушско-чеченских как Сели Сата*). Уместно будет здесь же прибавить, что это имя Сели Сата есть скорее всего урезанное осетинское Сатана, так как такая особенность ингушско-чеченского языка в передаче нартовских имен с осетинского явственно сказывается и в отношении к другим. Так, обычный порядок последовательности наименования нартов:

по осетински:	по инг.-чеченски:
Хамичи фурт Батраз	Хамчи—Батреж
Сосаги фурт Сослан	Сосга—Солца
Сила—Сатана	Сели—Сата

В первых двух случаях, как видит читатель, слово „фурт" – „сын", совершенно опущено в чеченской передаче, несмотря на то, что особенности родительного падежа от имени Хамиц и Сосаг удержались без изменения, точно также как и в русских фамилиях: Иванов, Петров, Сидоров, из первоначальной формы

Иванов сын Петр
Петров сын Петр
Сидоров сын Петр, сохранилась только первая часть, а „сын" утерялся совершенно.

В прошлой статье о нартовских героях, см. „Сев. Кавказ" № 21, я указал на эту же особенность изменения имен нартов в адыгейских версиях для того, чтобы об'яснить, каким путем эти изменения позволили создать имя Созрыко из Сослана.

В имени Сатана или Афсина не трудно найти этимологическое родство с древне-греческою Атене (Афина), или с Ахана Ргведы. Макс Мюллер, один из пионеров сравнительной мифологии, в свое время считал последние два имени настолько родственными, что называл имя греческой богини транслитерацией имени богини из Ргведы. Последняя, кстати сказать, была известна также под именем Дахана, имя известное и по настоящее время у осетин, чаще всего в уменьшительной форме „Даха". Точно также и у древних греков Афина была известна как Дафне, помимо других имен и эпитетов, данных ей разными отдельными греческими племенами, сообразно той особенной божественной роли, которую она у них играла.

Как в Ргведе, так и в мифах древней Греции имя Дахана-Атене-Ахана-Дафне, неизменно связано с физическим явлением природы—утра, рассвета, утренней зари. Соответственно этому и самая личность Атене-Ахана имела по прадставлению греков и индусов, а равно и у германцев, латинян, иранцев и др., чисто физическое происхождение: она не родилась от матери обычным порядком, а выпрыгнула из лба неба, которое у древних греков олицетворялось в личности Зевса, у индусов в Диаусе, у германцев в Зио или Тиу и т. д.

„Ахана (заря) подходит к каждому дому,
„Она вестница прихода каждого дня,
„Диотана (заря), всегда хотящая (дева), приходит все за большим,
„Она любит первое от всякого добра".

Эти строки из Ргведы приводит другой пионер сравнительной мифологии Дж. Кокс. Небезинтересно, что писал он в связи с этим же: „Она (Атене) божество физическое, но свойство того существа, которое утром будит мир после мрака ночи, скоро переходит в мудрость, самую сильную связь между светом и знанием."

И действительно, если это можно и должно сказать применительно к древне-греческой Афине, которая из молодой богини зари постепенно превратилась во мнении греков в мудрую и вещую богиню Палладу, советницу и хранительницу всех солнечных богов и героев, то с одинаковым, если не с большим успехом, можно сказать то же самое о нарт Сатане: она не только мудрая и всезнающая, но может провидеть события грядущего будущего, посвящена в тайны природы и в значительной мере располагает силами природы по своему желанию и усмотрению. По осетинским сказаниям, она прекрасна, ловка и большая рукоделица. Она совершенная хозяйка (афсина): ей приписывают искусство варки осетинского пива и браги. Она настолько гибка и ловка умом, что даже нарт Сирдон не может поделать ничего против нее.

О рождении нарт Сатаны известно очень мало, или почти ничего. По некоторым смутным отрывкам, ее матерью считают Сасану, имя фонетически почти идентичное с ее собственным именем. По этим же вариантам Сасана сама дочь вод. Обстоятельства рождения Сатаны по этим вариантам вкратце таковы:

Сасана была женою Ахснарта. У нее родились два близнеца, Оразмаг и Хамиц. Когда они выросли, то через мать разыскали пропавшего без вести деда, Уархага. Последний стал жить у внуков и женился на их матери, Сасане, и имел от нее сына Субальци, или Сибильци. Между прочим, этот старик Уархаг был настолько стар, что ко времени второй женитьбы успел даже ослепнуть от старости. Сасана перед смертью просит своих сыновей, Оразмага, Ха-

*) Характерно, что Сата по ингушски – звезда. Этим сообщением я обязан уважаемому редактору журнала „Сев. Кавказ". (Мне же это сообщено г-ном Вассан-Гиреем Джабаги—Байтуган).

мица и Субальци стеречь ее в продолжение первых трех ночей от посягательств на нее Уастырджи, который поклялся отомстить ей за старую обиду.

Стороживший в первую ночь, младший сын, Субалци, заснул. Этим воспользовался Уастырджи, слетел с неба и не только сам изнасиловал труп Сасаны, но подпустил к ней своего пса и коня. От этого произошли, как известно, красавица дочь Сатана, сияние утренней зари; пегий жеребец, скакавший быстрее ветра — Арфан, и Силам — борзый щенок, который один только и мог легко ловить дичь.*)

Уместно в связи с этим вспомнить один вариант рождения древне-греческой богини, Атене: ее отец, Паллас — великан, прельстился ее красотою и хотел ее изнасиловать. Атене за это убивает отца. В этом явлении древней теогонии знатоки сравнительной мифологии справедливо усматривали не обыкновенное отцеубийство, а явление физического свойства: рассвет, выходящий из ночи, как победа первого и результат борьбы между ними о том, кому быть. В нашем случае, т. е. в эпизоде с Сасаною, после ее смерти, с ее физическим концом наступает победа ночи, злого Уастырджи, за которой все же следует наступление рассвета: рождение Сатаны, сияния утренней зари, т. е. чередование тех же физических начал, что и выше.

В представлении древних, воды вообще, равно как и горы, имели большое значение в смысле источника или театра действий мифических героев или божеств. Это особенно заметно в мифах тех народов, которые географически были расположены у морских берегов, или жили близко к горам, безотносительно того, были ли они кочевниками или оседлыми жителями.

О роли, которую играли воды в первобытном анимизме древних, т. е. воображаемые жители вод, рек, озер и морей в мифах древних арийцев, можно судить по тому, что представления о рассвете, об утре, об утренней заре и молодом утреннем солнце связаны неразрывно именно с ними. Выше я уже указал на древнегреческую Атене и Ахана или Диотана Веды, как олицетворение зари, рассвета или утра. Обе они были известны прежде всего как дочери вод (Атене дочь Поссейдона). Так, в мифе о Дафне (Афина), Апполон преследует ее, хочет схватить, но она увертывается и убегает от него стремглав прямо к морю. Добежавши до берега моря, она взывает: „О, отец, Пенейос, прими свое дитя!" и бросается в волны, которые нежно подхватывают ее и укрывают от преследователя. Не напоминает ли нам этот эпизод преследование Оразмагом на своем пегом Арфане белой лани, которая убегает перед ним и которую не может настичь даже ветрогон Арфан. Известно, что эта странная лань бросается в море, известно также, что это дочь морского бога, Дон-Беттира, Сатана. Правда, Апполон остался у берега моря сетовать и сокрушаться за свое безумие в преследовании необыкновенной девицы, тогда как нарт Оразмаг не оказался таким нерешительным, а бросился в самое море в погоне за своей добычей, дошел до самого дна морского, не остановился, найдя цербера у входа во дворец Дон-Беттира, но прошел прямо к тронному месту, где наша белая лань успела превратится в красавицу Сатану, восседающую на троне из слоновой кости. Но зато он и получил ее в награду, т. е. остался победителем.

Представления о русалках у славян подтверждают универсальность значения вод, т. е. жителей вод, в мифологии древних арийцев.

В древне-германской мифологии также имеютя эти жители вод, водяные духи. Так, в Эдде говорится о „веттирах", водяных, напоминающих и по названию осетинских дон-беттиров. Известно, что Брунгильду называют „несчастным веттиром."

Таким образом, тот факт, что в мифах арийских народов связь утра или зари с водами, реками и морями протянута красной нитью, без всякого сомнения указывает на то, что такие мифы сложились или оформились у них еще до времени их расселения по разным отдаленным концам земного шара.

Из греческих мифов мы знаем, что за Атене ухаживал божественный кузнец Гефест (Hephaistos). Аналогично этому у нартов за Сатаною, как известно, ухаживал небесный Сафа, божество кузнечного и металлургического дела и покровитель цепи очага. Повидимому, Гефест и Сафа не только товарищи по профессии, но и тески, если только мы всмотримся внимательно в их имена.

А греческая Атене воспитывает молодое солнечное божество, Ерехтеу (Erehtheus), в котором мы легко находим известного нам найденыша, Арахцау по осетинским сказаниям и Ирыхшау — по адыгейским. Это тот самый нартовский герой, которого Сослан (Созрыко) заочно назвал названным братом и, при уходе в царство темноты и мрака, завещал шлем, панцырь и меч с наказом кровной мести.

В песне о битве Сослана с Тотразом, сыном Албега, нарт Сатана дает мудрый военный совет Сослану о том, как победить врага, превосходящего его физическою силою во много раз. Она же превращает себя в тучу, заслоняя Сослана от врага до благоприятного тактического момента. И в этой особенности Сатана, конечно, не одна: ее греческая сестра, Афина-Паллада, делает то же для Одиссея, когда последний возвращается домой после долгих странствований.

Сатана пользуется таким всеобщим признанием мудрой, что ее советами пользуются все нарты. Кроме того, сама она активно оказывает помощь в случае нужды и опасности.

В роли хозяйки дома, Сатане принадлежит первое место среди женщин Нарты. Она не только хозяйка дома Оразмага, она Ахсина-Афсина, то есть матриарх, — верховная мать, правительница. В качестве матриарха она заготовляет запасы хлеба на случай голода, что мы знаем из песни о голоде в Нарте. Известно, что во время голода ни Оразмаг, ни кто либо из сильных Нарты не может ничего поделать против этой злой стихии, они все одинаково бессильны и беспомощны, кроме Сатаны: она велит открыть свои закрома и спасает всю голодную Нарту от верной голодной смерти.

*) По ингушским вариантам, все нарты (орштхои) вообще вели бродячий образ жизни, часто занимались грабежем и убийствами. Один из орштхоев—Уастырджи—был такой развратник, что соблазнил мать всех вод (Химехки-Нана), т. е. богиню вод.

Сатана решает споры между отдельными нартами. В роли матриарха в ее лице сосредотачивается высшее начало правосудия.

В роли богини плодородия Сатана, как известно, внезапно выращивает яблоню с спелыми плодами перед Арахцау, сыном Бадзанага (известного в адыгейских вариантах как Пши Бадиноко).

В представлении древних северокавказцев выше матриарха, Сатаны, есть только одна инстанция, верховного или главного бога, Хцау (ведийский Диаус, греческий Зеус, северный—Тиу), к которому она обращается непосредственно. Стоит только вспомнить случай ее обращения к нему с просьбою о присылке с неба Батраза, чтобы спасти старого Оразмага. Повидимому, этим непосредственным обращением к Хцау вначале пользовались все нарты, а с ними и все сарматы, иначе чем об'яснить себе то хорошо сохранившееся выражение при обращении к богу: „О, богов, мой бог", т. е. „О, бог богов, мой собственный бог."

Как вещая и одновременно ловкая, Сатана сшивает необыкновенные, трехголенные кальсоны, когда ей необходимо хитростью узнать тайну врагов: численность вражеского войска. Она ставит хитрого Сирдона в положение простака. Она же одна может раскрыть тайну, скрытую в послании Оразмага о присылке ему в помощь войска и в каком составе. (смотри в песне о старом Оразмаге).

В армянской мифологии, среди невообразимой смеси божеств и героев всех начал и культур, встречается имя „Сатик", божество плодородия. Трудно сказать, имеет ли оно какое нибудь родство с нартовской Сатаной, но в истории Армении Моисея Хоренского упоминается более определенно о Сатинике, дочери аланского (осетинского) царя, которая выручает попавшего в плен брата тем, что соглашается выйти замуж за армянского царя.

Несмотря на кажущуюся неблагозвучность имени Сатана из за фонетической близости с именем дьявола — Сатаны семитского, получившего универсальную известность, нарт Сатана продолжала быть популярною среди осетинского населения, доказательством чего служит то, что это имя не исчезло, а сохранилось до самого последнего времени.

Жанбек Хавжоко

АБРЕК ЗЕЛИМХАН

(Окончание)

Цитированное нами письмо крайне характерно. Оно рисует один из обычных путей, каким создавались во времена царизма абреки на Кавказе. Государственное правосознание, установленное властью пришлой и чуждой, сталкивалось с правосознанием народа, который к этой власти не чувствовал никакого доверия, смотрел на нее, как на стихийное зло, и старался иметь с ней как можно меньше точек соприкосновения. Не отличаясь никакими моральными достоинствами, русское чиновничество на Кавказе не могло пользоваться среди населения и моральным авторитетом и не в состоянии было установить веру в силу и справедливость русских законов. В результате, ежегодно десятки и сотни представителей коренного населения выбрасывались за борт легальной жизни, становясь непримиримыми врагами существующего официально порядка вещей. Упрощенный подход русской администрации к явлениям кавказской жизни способствовал тому, что вся эта масса „правонарушителей" об'являлась „разбойниками" и „грабителями", а мирное население, оказывающее им свое сочувствие, должно было переносить широко практикуемые администрацией методы круговой поруки.

Разбойником был об'явлен и Зелимхан. Царское управление б. Терской обл. вело в этом направлении широкую пропаганду в печати и среди населения. Нередко оно прибегало и к явной провокации. Так например, еще в первые годы абреческой деятельности Зелимхана на Андийском перевале был ограблен и убит андиец-торговец, который вез в родной аул купленный в Суюндж-Кала товар. Администрация приписала убийство Зелимхану, стараясь эту мысль внушить и горскому населению, дабы последнее перестало оказывать содействие убийце, который из-за корыстолюбия лишил жизни своего брата-мусульманина. Возможно, что убийство было организовано самой администрацией! Однако, провокация не удалась, т. к. население, хорошо знавшее Зелимхана, не поддалось на предательскую удочку и не уверовало в участие Зелимхана в убийстве андийского купца. Достаточно сказать, что после этого случая Зелимхан в продолжении почти 10 лет, до самой своей смерти, продолжал пользоваться сочувствием населения, которое многократно укрывало его, безропотно выплачивая многотысячные „штрафы", налагаемые администрацией.

В чем же выражалась деятельность Зелимхана? Т. н. разбойническая деятельность Зелимхана выражалась в борьбе с русской администрацией и правительственными учреждениями, т. е. в полной мере соответствовала сегоднешнему „бандитизму" на Северном Кавказе — борьбе, которую ведут сейчас против советской власти различные северо-кавказские повстанческие группы. Неоднократно Зелимхан с немногими товарищами, а часто и сам, производил набеги на государственные учреждения, забирая в них наличные средства. Вот, например, описание одного из таких набегов, помещенное в газ. „Отклики Кавказа:"*)

„8 января с. г., в 2 часа ночи, на платформе Грозненского вокзала неожиданно появилась шайка абреков, сбила с ног ударом приклада приемщика поездов, поставила своих часовых и бросилась в помещение вокзала. Железнодорожный стражник выскочил им на встречу с криком о помощи, но тут

*) „Кавказ и Поволжье" стр. 98.

же был тяжело ранен. Абреки открыли стрельбу по окнам, ранили другого стражника и принялись хозяйничать на станции. Оставив в покое телеграфистов, смиренно расположившихся под столами, они стали разбивать ломом железную кассу.

Лязг железа, тревожные свистки паровозов и выстрелы нападавших разносились по мирно спавшей станице.

— Скорее, скорее! — торопили часовые, паровозы свистят!

— Ничего, они всегда свистят, — отвечали им. Одна за другой были вскрыты две кассы, из которых взято 18 тысяч рублей, и шайка скрылась через окно, высаженное молотом.

Некоторые казаки Грозненской станицы успели проснуться и встретили грабителей выстрелами, но в ответ раздались залпы из 3-хлинейных винтовок, которыми вооружены все абреки. Шайка уходила вдоль забора, перешла полотно дороги у будки, давши еще один залп на оклик, и ускакала на лошадях, поданных товарищами"...

Еще более смелый характер носило нападение на казначейство гор. Кизляра, организованное Зелимханом незадолго перед своей смертью. Нападение это было организовано в ответ на хвастовство и карательные методы войскового старшины Вербицкого, атамана Кизлярского отдела, которому тогдашний начальник Терской обл., ген.-майор Михеев, поручил управление всей акцией по поимке Зелимхана. Этот Вербицкий поместил в газ. „Терек" открытое письмо на имя Зелимхана, называя его „трусливой бабой" и т. п. эпитетами и вызывая его на поединок. В ответ на письмо, Зелимхан сообщил Вербицкому, что в ближайшее время он намерен посетить гор. Кизляр и советует Вербицкому подготовиться к этому посещению. И действительно, в один из летних дней, кажется 1910 года, Зелимхан во главе группы приблизительно 30-ти всадников спокойнейшим образом в'ехал в город, имеющий воинский гарнизон, обезоружил караул при казначействе и, взяв некоторую сумму денег, отстреливаясь от преследующих его войск, прошел свыше 100 верст, отделяющих Кизляр от нагорной Чечни. Все это, повторяем, происходило средь белого дня и в стране, которая была полна всевозможных „летучих отрядов", огранизованных с целью поимки Зелимхана.

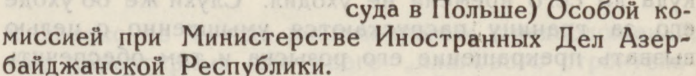

Zelimhan'ın öldügü gün alınmış resmi.
Фотография, снятая в день смерти Зелимхана.

Кроме правительственных чиновников и государственных учреждений, Зелимхан иногда нападал и на богатых представителей пришлого русского населения. В этих случаях он никогда не прибегал к убийству. Обыкновенно жертва отпускалась на волю после внесения солидного выкупа. Таким образом им разновременно были захвачены помещик Месяцев, купец Хренов и др.

Деньги, попадающие в руки Зелимхана в результате всех этих экспроприаций, раздавались обыкновенно тем горским семьям, которые так или иначе пострадали от репрессий властей. Нужно учесть, что т. н. штрафные суммы, собранные с населения одной только Чечни в последние годы перед мировой войной, доходили до 500 тыс. рублей. А сколько семей лишилось своих кормильцев, сосланных без всякой вины в центральные губернии и Сибирь?!... Заботу об этих семьях брал на себя Зелимхан. Неудивительно поэтому, что в глазах коренного населения Зелимхан продолжал оставаться борцом за правое дело и крупную денежную награду, назначенную правительством за выдачу абрека, ни один из жителей местных аулов не получил.

Для более полной характеристики деятельности Зелимхана приводим выдержки из тайных рапортов жандармских властей, взятые нами из сборника „Документов по русской политике в Закавказье", изданного под редакцией Арслан-бея Найман-Мирза-Кричинского (ныне вице-председатель Гдыньского окружного суда в Польше) Особой комиссией при Министерстве Иностранных Дел Азербайджанской Республики.

Вот, что пишет, например, полковник Минкевич, начальник Бакинского губернского жандармского управления, своему помощнику в Дагестане (21 августа 1912 г.):

„По имеющимся в департаменте полиции секретным сведениям, в первых числах мая месяца сего года Зелимхан перешел границу из Эриванской губернии в Турцию и в настоящее время находится в Аравии, в гор. Медине, у местного вали (губернатора). Оттуда в письмах отсылаются им инструкции в Дагестанский панисламистский комитет; почта перевозится через границу Эриванской губ. специальными гонцами.

По тем же сведениям, на этих днях в Мекку выезжает с Кавказа на общий с'езд панисламистов от разных городов 37 делегатов. На с'езде будут

делегаты от английских и французских владений и даже от центральной Африки, Китая и Филиппин. Повсеместно идут сборы денег. Центральная панисламистская касса находится в Мекке.

После с'езда Зелимхан возвратится указанным выше путем в Дагестан.

Зелимхан, будто-бы, признан имамом поголовно всем мусульманским населением Северного Кавказа, фанатично ему преданным и свято его укрывающим.

Под видом ловли Зелимхана, горцы сформировали, с разрешения наместника, отряд, который является переменным составом конных сотен и рот с турецкими инструкторами"...

Приводимые в этом жандармском письме сведения не соответствовали истине, но зато они рельефно илюстрируют—какой переполох среди администрации вызывала деятельность Зелимхана. Через несколько дней, в письме от 25 августа на имя все того же „помощника в Дагестанской области" (ротмистра Матегорина), полковник Минкевич сам опроверг данные предыдущего письма. На этот раз он писал:

„По агентурным сведениям, Зелимхан находится в настоящее время в одной из пещер Андийского округа, Дагестанской области. Есть основание полагать, что пещера эта находится в недалеком расстоянии от сел. Ботлих, названного округа, так как Зелимхан поддерживается находящимся ныне в отставке бывшим начальником участка Темир-Алиевым, проживающим в названном селении, и так как только ему и его самым блиским родственникам известно место нахождения пещеры.

По тем же сведениям, Зелимхан удалился в пещеру на три месяца, чтобы молиться и об'явить себя святым.

Поводом для этого послужили благополучные уходы Зелимхана от опасности из сел. Старо-Сунженского, Грозненского округа, в октябре 1911 года, из пещеры в Веденском округе в декабре того же года и т. д.

Шайка Зелимхана состоит в настоящее время из трех жителей Дагестанской области и двух ингушей. В настоящее время шайка распущена за окончанием моления Зелимхана.

Из пределов Северного Кавказа Зелимхан никуда до сего времени не уходил. Слухи же об уходе его за границу распускаются умышленно с целью вызвать прекращение его розыска и тем обеспечить возможность спокойно закончить моление Зелимхана перед об'явлением себя святым. Цель Зелимхана об'явить себя святым есть стремление приобрести себе приверженцев не как абреку, а как святому, при каковом условии он будет обеспечен более, чем теперь,когда многие из его приверженцев от него отшатнулись"...

В заключении полк. Минкевич предписывает проверить сообщаемые им сведения. Это подчеркивание религиозных моментов в жандармской характеристике роли Зелимхана, нам кажется, об'ясняется тем, что в жандармском управлении имелись сведения о тесной связи Зелимхана с одной из групп секты „зикристов", возглавляемой Бамматом Хаджи из аула Автуры. По сведениям жандармов, даже нападение на Кизлярское казначейство, было организовано Бамматом Хаджи, а Зелимхан являлся лишь исполнителем. Последнее едва-ли отвечает правде, т. к. идея набега на Кизляр должна была п р е ж д е в с е г о возникнуть в голове Зелимхана, как естественный ответ на хвастовство Вербицкого, атамана К и з л я р с к о г о отдела. И вообще роль секты „зикристов" в деятельности Зелимхана в жандармских рапортах нам кажется сильно преувеличенной, хотя весьма вероятно, что Зелимхан принадлежал к числу ее членов, ибо секта эта пользовалась большим распространением в Чечне.

Наконец, процитируем еще рапорт ротмистра Матегорина (от 6 ноября 1912 г.), который был отправлен полковнику Минкевичу в ответ на его письма. Рапорт этот, пожалуй, наиболее соответствует действительному положению вещей.

„Доношу,—пишет Матегорин—что определенные сведения о Зелимхане получить не представляется возможным в виду крайней конспирации, которою окружена вся его преступная деятельность и жизнь. Около названного имени сгруппирована туземцами и другими лицами такая масса легенд, которых вполне достаточно на многие годы для использования этого имени с террористическими целями, хотя бы самого Зелимхана и не существовало.

Будучи еще офицером Кизляро-Гребенского полка Терского казачьего войска, я неоднократно участвовал в поимке Зелимхана, но безрезультатно, благодаря почти сплошному содействию местного населения по укрытию названного разбойника. Последний раз я принимал участие в поимке Зелимхана в окрестностях Ведено в 1908 году, после убийства Зелимханом начальника округа полковника Галаева. В одной из перестрелок с разбойниками, среди которых по сведениям был и Зелимхан, было убито тогда трое разбойников, в том числе якобы и Зелимхан.

Эти трупы лежали несколько дней на месте перестрелки и я лично был свидетелем, как туземцы приходили и удостоверяли, что „это именно труп Зелимхана". Такой же характерный случай укрывательства Зелимхана был и при жизни полковника Галаева. Последний перед смертью получил, будто бы, угрожающее письмо, содержание которого было приблизительно следующее: „Перестань за мной гоняться, напрасно только беспокоишь себя и меня. Ты был на свадьбе, на которой и я был. Я танцевал с девушкой такой-то и такой-то. Ты это видел, отчего же не брал меня. Я могу убить тебя во всякое время и сделаю это на глазах у всех." Действительно, полковник Галаев был безнаказанно убит в слоб. Ведено днем.

Зелимхана в лицо редко кто знает и о месте пребывания его осведомлены самые приближенные лица, фанатично ему преданные. Не малую, если не главную, роль в укрывательстве Зелимхана как прежде, так и теперь играет местная администрация из чувства страха перед ним или же из чувства мусульманского единения. Поэтому всякие сведения о Зелимхане, если они исходят не от лица, доказавшего уже свою глубокую преданность России, необходимо считать проблематическими, так как основаны они бывают на слухах, нисколько не проверенных.

По собранным мною сведениям, Зелимхан в на-

стоящее время действительно находится, якобы, в Андийском округе, но где именно он укрывается и поддерживается ли бывшим начальником участка Темир-Алиевым — неизвестно.

Капитаны милиции в отставке, жители сел. Анди, Андийского округа, братья Арас Шамхалов и Али Дебир Шамхалов содействуют более других Зелимхану, доставляя ему все правительственные распоряжения о задержании его, газеты с отзывами о нем, а также вообще все сведения, касающиеся Зелимхана. Один из сыновей (имя неизвестно) названных капитанов состоял, да вероятно и теперь состоит, в шайке Зелимхана.

Имеются также сведения и такие, что Зелимхан, вполне уверенный в преданности ему населения Андийского округа, бывает в различных селах последнего совершенно открыто. Последнее время женился на молодой туземке, имя которой и происхождение неизвестно.

О существовании отряда с переменным составом сотен и рот, с турецкими инструкторами, никаких сведений нет. При каждом округе обыкновенно состоит до 30-ти, а при начальниках участков до 6-ти всадников, которые принимаются и увольняются распоряжениями названных начальников, но значения военного кадра они не имеют. В этом отношении, с появлением панисламизма, большое значение приобрел Дагестанский конный полк, который благодаря часто меняющемуся составу полка, незаметно, но регулярно выпускает ежегодно кадры обученных военным действиям дагестанцев, окончивших службу в полку. Эти кадры, в связи с возможным проявлением активной вражды кавказских мусульман к России и вообще легко воспламеняющимся Дагестаном, фанатично преданным Исламу, могут действительно оказаться крепким оплотом боевого выступления мусульман, если бы таковое случилось..."*)

Заключительная часть рапорта Матегорина посвящена „Дагестанскому панисламистскому комитету", существование которого он допускает, но деконспирацию которого он считает затруднительной, так как Комитет „состоит повидимому из лиц, занимающих сравнительно высокие административные должности, богатых, среди которых агентура мыслима, быть может, за очень крупные суммы или за предоставление служебных мест." Этим „истинно-жандармским" выводом заканчивается рапорт Матегорина.

Осенью 1913 года Зелимхан тяжко заболел тифом. Период болезни он провел в доме блиского своего знакомого, живущего в Шалинском хуторе, в 10 верстах от аула Шали. Он уже начал поправляться, когда кто-то (говорят, один из кровников Зелимхана) сообщил об его местопребывании отряду, расположенному в ауле Шали. Ночью дом, в котором находился Зелимхан, был окружен войсками. Зелимхану предложено было сдаться. Предложение это было отклонено, ибо, ведь, вся 13-летняя абреческая деятельность Зелимхана была ярким примером бескомпромиссной борьбы с чужеродным режимом, разбившим не только его жизнь, но и жизнь многих сотен тысяч его соплеменников.

Выслав силой хозяев дома, не желавших покидать своего гостя, Зелимхан начал отстреливаться. К рассвету он уже имел несколько ран, причинив значительный урон и своему противнику. Чувствуя приближение смерти, Зелимхан вышел из дому, сделал последний выстрел по осаждающим и пал на пороге, сраженный залпом.

Так погиб абрек Зелимхан, о котором и сейчас еще поются песни в аулах Северного Кавказа.

*) Эта боязнь перед „обученными военным действиям кадрами" среди горцев, свойственная царскому режиму, в полном об'еме и по тем же причинам „возможного проявления активной вражды", унаследована, как известно, и большевиками, которые всячески препятствуют возникновению на Северном Кавказе таких кадров.

Догуж

Что выявила сессия ЦИК'а ДагАССР

В марте месяце т. г. в Шамиль-Кала состоялась 3-ья сессия центрального исполн. комитета Дагестанской авт. ССР X созыва. Сессия была ознаменована выступлениями двух виднейших ставленников Москвы в Дагестане: председателя местного совнаркома Мамедбекова и председателя ДагЦИК'а Магомета Далгата.

Выступление первого было посвящено „плану и задачам хозяйственного и социально-культурного строительства Даг. АССР на 1936 год", второй же говорил на избитую и имеющую такую же давность, как сама советская власть, тему о „коренизации аппарата и о вовлечении национальных кадров в промышленность, на транспорт и в совхозы".

Мамедбеков разделил свое выступление на две части. В первой части он подвел итоги „достижений" за 1935 год, во второй—представил планы на будущее. Вторая часть, как область сомнительных и далеко не всегда реализируемых предположений, так характерных для всего „планового строительства" в СССР, не представляет для нас сколь-нибудь значительного интереса. О ней мы предпочитаем говорить после того, как на соответствующей сессии ДагЦИК'а „товарищ" Мамедбеков подведет итоги „достижений" за 1936 год. Но на первой части—на „достижениях" за 1935 год—следует остановиться уже сейчас, так как, несмотря на грубый слой обычного советского бахвальства, Мамедбеков дает нам в ней реальный, до некоторой степени, образ сегодняшней действительности подневольного Дагестана.

„1935 год явился годом ряда достижений и по нашей республике"—констатирует Мамедбеков.

В чем же выразились эти достижения? В промышленности — увеличением валовой продукции на 16%. Но о доходности промышленных предприятий Мамедбеков предпочел умолчать, ограничившись упо-

минанием о том, что „общий об'ем валовой продукции промышленности на территории ДАССР составил за 1935 год—87·6 миллионов рублей" и что „производительность труда за 1935 г. выросла по государственной промышленности на 22·3 проц.". Видимо, доходность предприятий по-прежнему сильно отстает от обычных норм, иначе председатель совнаркома ДАССР не обошел бы этот вопрос молчанием.

Но и увеличение валовой продукции произошло не во всех отраслях промышленности. Об этом можно судить из того, что далеко не все промышленные предприятия выполнили задания на 1935 год. Так например, не выполнила план рыбная промышленность (выполнено всего 44% плана), всего на 71·3% выполнен план текстильной промышленностью и т. д. Однако, и там, где план перевыполнен, не все обстоит так, как следует. Например, перевыполнил свой план Дагвинпромтрест (трест по выработке вина), но „качество его продукции продолжает еще оставаться ниским". Ниско качество продукции и промышленной кооперации (кустарных артелей, организованных в принудительном порядке), которая дает почти пятую часть всей продукции Дагестана — 18·7% на сумму 16·4 миллионов рублей.

Наконец, Мамедбеков упомянул и о том, о чем М. Далгат говорил более подробно: о коренизации производственных кадров в промышленности Дагестана.

„Совершенно недостаточным—заявил он—надо считать вовлечение в производство рабочих из коренных национальностей (33 проц. в 1934 году и 37·4 проц. в 1935 г.), а также женщин (35.5 проц. и 36·8 проц.)".

В области сельского хозяйства „достижения" выразились в „резком росте коллективизации": с 29·1% в 1934 г. она повысилась на 1 января 1936 г. до 44·3%, в том числе на плоскости до 78·2% против 55·2% в 1934 г. и в горах до 25.7% против 11% к началу 1935 года. Здесь необходимо отметить, что эти „показатели" достигнуты были ценой новой волны массового уничтожения скота вступающими в колхозы,—волны, которая дает себя знать еще и сейчас.

Неудивительно поэтому, что имеется „ряд районов, которые резко недовыполнили государственный план выращивания молодняка по телятам, ягнятам и жеребятам" (всего Мамедбеков перечисляет 13 таких районов—12 горных и 1 степной, ногайский, т. е. те районы, где как раз особенно часты были случаи массового убоя скота). В общем же—заключает Мамедбеков—„если сравнить итоги роста скота по нашей республике со средними итогами по Союзу в целом, то получается, что и здесь мы отстаем", и это несмотря на то, „что по значимости животноводства наша республика должна была бы выйти в ряды передовых республик и краев".

Но это еще не все. Оказывается, что в „передовой республике по значимости животноводства"—20% коллективизированных хозяйств совершенно не имеет никакого скота, а 27·6% принадлежит к числу т. н. бескоровных.

„По данным последней переписи скота—констатирует Мамедбеков — на 1 января 1936 года по 35 районам (за исключением Тляротинского, Рутульского, Ахтынского и Докузпаринского, по которым материал еще не разработан) мы имеем в колхозах 78.494 хозяйств, из них без всякого скота 15.728 хозяйств, т. е. 20 проц. Колхозников, не имеющих ни коров, ни телят, ни нетелей, насчитывается 21.653, т. е. 27.6 проц."

И далее:

„В Махач-Калинском и Каякентском районах таких хозяйств в колхозах имеется свыше 50 проц. В Ачикулакском, Карабудахкентском и Кайтагском—40·0 проц., а в Каясулинском, Шелковском, Кумторкалинском, Дербентском, Буйнакском, Касум-Кентском и Табасаранском свыше 30·0 проц. А ведь большинство этих районов является районами сплошной коллективизации".

Т. е. наибольшее обеднение сельского населения наблюдается в наиболее коллективизированных районах плоскостного Дагестана. Продемонстрировав „благодеяния" „сплошной коллективизации", Мамедбеков переходит к положению дорожного и школьного строительства, отметив попутно, что все планы по различным поставкам (зерна, картофеля, риса, мяса, шерсти и т. д.) выполнены, и подтвердив таким образом, что, несмотря на тяжелое материальное положение населения, грабеж Дагестана советской Москвой проводится с прежней силой.

В области дорожного строительства 1935 г. ознаменован постройкой 760 кил. новых дорог (из которых лишь весьма незначительная часть шоссирована), пригодных для колесного транспорта и 1700 погонных метров новых мостов. Улучшены также средства связи, путем увеличения телеграфных линий на 500 кил. и проводки нескольких новых телефонных линий.

Если мы учтем, что направления всех этих дорог, телеграфных линий и т. п. отвечают военно-полицейским тенденциям правящей власти и что даже в царские времена правительство охотно насаждало на Кавказе такого рода „культурные нововведения", диктуемые стратегическими концепциями, то советские „достижения" в этой области не должны нас удивлять. Тем более, что, как нам известно, все дорожные работы выполняются исключительно местным населением в порядке „добровольной" трудовой повинности.

Школьное строительство Дагестана представлено Мамедбековым следующим образом:

„Значительные достижения имеются за 1935 год и в области просвещения. Число учащихся начальных, неполных средних и средних школ выросло со 142·5 тысяч в 1934 году до 147 тысяч человек. Наиболее значительный рост имелся по неполным средним школам, число учащихся в коих с 8 тыс. выросло до 13·9 тыс. человек. Неполными средними школами в 1935 году было охвачено 100 проц. окончивших начальные школы в г о р о д а х. Число учащихся вузов, техникумов и рабфаков в 1935 году выросло до 6200 чел. против 5300 чел. в 1934 году. За 1935 год достроено и вновь выстроено 197 школ, в том числе 4 неполных средних школы, с общей вместимостью до 10 тыс. человек".

И в этом случае необходимо добавить, что большинство школ строится населением собственными средствами. Так например, в 1933—1934 г. г.

в аулах Дагестана было выстроено населением свыше 100 школ. Но несмотря на такое влечение к просвещению, власть не в достаточной степени идет на встречу коренному населению Дагестана. Об этом говорит нам то, что дети Дагестана до сих пор не охвачены всеобщим обучением и многие из них находятся еще вне школы. Это явление характерно и для иных „автономных областей" Северного Кавказа. Из слов Мамедбекова можно заключить, что только в городах реализирован принцип всеобщего обучения, хотя и в этом случае он говорит лишь о стопроцентном охвате неполной средней школой детей, окончивших начальную школу, не упоминая о том — охватывает ли начальная школа всех детей городского населения и какой процент из них оканчивает начальную школу. Характерна и самая фаворизация школьных нужд городского населения, которое, как известно, сосредотачивает в себе большую часть русского населения в Дагестане. В результате такой фаворизации, школы повышенного типа заполняются преимущественно пришлым элементом, что мы увидим из данных доклада Далгата, которые будут нами приведены ниже. Если мы и здесь учтем все эти факты, а также примем во внимание, что школа среди нерусских народов в СССР является одним из основных средств руссификации и рассматривается советской властью только в этой плоскости, то цифры, приводимые Мамедбековым, представятся нам в совершенно ином освещении. Просветительная деятельность советской власти в этом случае едва ли нам заимпонирует.

Зато, например, состояние жилищного строительства неудовлетворяет даже Мамедбекова.

„Особенно неудовлетворительно — говорит он — выполнен план жилищного строительства. К примеру: из строившейся в Махач-Кала в 1935 году 41·6 тыс. куб. метров жилплощади, физически в эксплоатацию ничего не введено. Капитальный ремонт жилфонда сорван в результате плохой работы жилкооперации".

И немного далее:

„Качество строительства нискoе. Буквально нет ни одной стройки, где бы не было явно дефективных работ. Недопустимо плохо поставлены учет и отчетность на стройках".

Заключительную часть перечня „достижений" за 1935 год Мамедбеков посвящает „разцвету стахановского движения в Дагестане". „Широко развертывается стахановское движение" — говорит он, хотя и в Дагестане акты рабочего террора против особенно рьяных „стахановцев" встречаются на каждом шагу.

Доклад Магомета Далгата, как мы отметили, посвящен избитой теме о „коренизации" административного аппарата и прочих учреждений, для окончательного проведения которой давно уже прошли все сроки, многократно устанавливаемые чуть ли не с первых дней оккупации Северного Кавказа большевистской Москвой. Вопрос о коренизации в Дагестане, как и в иных местах Северного Кавказа, стоит на мертвой точке. Далгат приводит следующие данные о ходе коренизации центрального аппарата ДагАССР: аппарат этот был коренизирован —

на 1 января	1927 г.	на	21·6	проц.
„ „	1928 г.	„	20·9	проц.
„ „	1929 г.	„	23·6	проц.
„ 1 июля	1929 г.	„	25·3	проц.
„ „	1930 г.	„	23·2	проц.
„ 1 января	1932 г.	„	22·2	проц.
„ „	1933 г.	„	22·3	проц.
„ „	1936 г.	„	21.6	проц.

Т. е. за десять лет усиленных толков о коренизации вопрос вернулся к исходным позициям.

Характерна картина по отдельным учреждениям. Процент коренизации в 1936 г. колеблется в них от 53 проц. (ДагЦИК) до 1·5 проц. (отделение Сев-Кавк. жел. дороги). Последняя цифра особенно характерна, так как железнодорожное дело особенно тесно связано с военной стратегией. Чрезвычайно низок процент коренизации и среди нисших служащих железнодорожного транспорта, где он представлен цифрой 4·7 процента.

В районных аппаратах коренизация проведена в среднем на 75·2 проц. с колебаниями по отдельным районам от 38·8 проц. (Караногайский район) до 92·6 проц. (Ахтынский район). Но чрезвычайно малый уровень коренизации центрального аппарата ведет к тому, что почти вся переписка районов с центром ведется на русском языке. Хотя тоже самое можно сказать и относительно переписки аулсоветов с районными центрами, где в сущности во многих случаях состояние коренизации также весьма далеко от идеала.

Промышленные предприятия Дагестана коренизированы всего на 35·8 процента, при чем и здесь цифры колеблются от 64·8 проц. до 4.9 проц. и даже до 2·8 проц. (водный транспорт).

В общем же докладчик констатирует:

„Там, где проявлялась действительная забота о выращивании национальных кадров, мы имеем не плохие результаты. Но к сожалению таких предприятий только единицы.

Там же, где не было действительной заботы о вовлечении коренных националов в производство, где вербовка рабочей силы проводилась в порядке самотека, где не было создано необходимых условий для закрепления коренных националов на производстве (жилищные условия, культурное обслуживание, повышение квалификациии и т. д.) — там мы имеем отрицательные показатели".

Т. е. знакомая картина преобладания русского начала, в руках коего находятся все главные пружины правящего аппарата.

Но особенно гибельные последствия влечет за собой это положение в школьном деле — в школах специального назначения, в задачу которых, согласно официальных заверений властей, входит подготовка специалистов из числа коренного населения. Привилегированное положение русского меньшинства в нерусских районах СССР ведет к тому, что школы повышенного типа выполняют свое назначение только в отношении этого меньшинства, т. к. их в большей части заполняют студенты русской национальности. В Дагестане, несмотря на то, что автохтоны составляют почти 98$^{0}/_{0}$ общего количества населения, школы повышенного типа удовлетворяют нужды главным образом русского меньшинства.

Эту картину Далгат представляет в цифрах следующим образом:

	всех учащихся	из них кор. нас.
По 18 техникумам	4454	1328 (30 проц.)
Мединститут	572	91 (16 проц.)
Сельхозинститут	286	79 (28 проц.)
Пединститут	464	232 (50 проц.)

Он указывает — правда довольно осторожно — и причины такого состояния вещей. Это — саботаж центральных учреждений, в которых, как мы знаем, почти 80% состава рекрутируется из неместных элементов.

„Вопрос о подготовке и переподготовке национальных кадров — говорит Далгат — должен приковать внимание всех наших центральных учреждений, советов, исполкомов, всех центральных организаций. А надо прямо сказать, что до сих пор мы слабо занимаемся этим вопросом.“

А так как ничто в СССР не делается без ведома и против желания Москвы, то мы вправе утверждать, что сегоднешнее состояние коренизации (вернее ее отсутствие) в национальных республиках и областях является составной частью пресловутой ленинско-сталинской национальной политики, нормы которой устанавливаются в Москве и конечным идеалом которой является руссификация народов СССР.

Вокруг этой политики ведется на местах борьба. Об одной из форм этой борьбы упоминает и Далгат. Он говорит о „великодержавном шовинизме“ и „местном национализме“ — легальных, скажем, формах борьбы русского начала с „инородческим“ в советских условиях. Эти формы не изжиты и сейчас — после 19 лет большевистских экспериментов в области национальной политики и многократных „чисток“ рядов компартии.

„В заключении я должен предупредить, — говорит Далгат — что при проведении этой огромной и важной политической работы (т. е. коренизации — Д.) мы можем встретиться с проявлениями как великодержавного русского шовинизма, так и местного национализма. С одной стороы, русские и другие руководители учреждений могут недооценивать значения коренизации, даже игнорировать эти решения партии, или проводить их „с прохладцем.“ С другой стороны, местные товарищи могут организовать травлю против некоренных работников наших аппаратов.“

„Таким образом, как видим, и „великодержавный русский шовинизм“, и „местный национализм“ по прежнему сохраняют свою динамическую силу, поддерживая на окраинах СССР состояние национального напряжения не только, среди широких масс нерусского населения, которые пользуются и иными методами борьбы (индивидуальный террор, массовые восстания, т. н. в советском жаргоне политический бандитизм и т. д.), но и среди местных коммунистов, а в особенности среди верхушки этих коммунистов.

Момент этот, пожалуй, является, наиболее знаменательным из положений, выявленных на последней сессии ДагЦИК'а.

KÜCÜK HABERLER — ХРОНИКА

MUHACİRLER ARASINDA — СРЕДИ ЭМИГРАЦИИ

VARŞOVA'DA MARUZALAR

— Mart'ın 13-de Şark Enistitusunda Mehmed Çukua „Rus emperyalizminin tarihî merhaleleri“ mevzuunda bir maruza okumuştur. Genc Şarkıyatcılar derneginin Kafkasya şubesi tarafından tertib edilen bu maruzaya bilhassa leh gencleri iştirak etmiş ve maruzacıyı dikkatle dinlemişlerdır. Maruza bittikten sonra bunun bir daha beynelmilel talebe birliginde tekrar okunması ricasında bulunulmuştur.

— Mart ayı zarfında. Lehistan'deki Kafkasya Talebe birliği tarafından tertib edilen maruza serisinden olmak üzre iki maruza okunmuştur. Bundan biri „1930-e kadar Kafkasya'da isyan hareketleri“ mevzuunda N. Haci Bayramlı tarafından, digeride, „Kafkasya güzel sanatleri“ mevzuunda olmak üzre mahellî güzel sanatler akademisi talebesinden Aziz Melik-zade tarafından okunmuştur. Maruzaya Kafkasyalılardan başka, Kırım. Ukrayna talebeleri dahi iştirak etmişlerdir. Maruza sonunda her defa olduğu gibi. teatii efkârda bulunulmuştur.

ДОКЛАД АЯС-БЕЯ ИСХАКИ В ПАРИЖЕ

26 апреля в помещении Грузинского Оффиса в Париже состоялся устроенный Комитетом дружбы народов Кавказа, Туркестана и Украины доклад г. Аяса Исхаки, который вернулся недавно в Европу из своей длительной поездки на Дальний Восток.

Тепло и сердечно встреченный аудиторией, почтенный докладчик говорил сначала о своих личных впечатлениях, образно описав жизнь и быт Ниппона, указав на своеобразие тамошней жизни, бросающееся в глаза новому человеку, попадающему туда из европейских центров.

В политической части доклада освещено было общее положение на Дальнем Востоке, а также представлена организационная работа, которую провел докладчик, преодолев многочисленные препятствия, стоящие на его пути. В особенную заслугу следует поставить Аяс-бею осведомительную работу среди ниппонских общественных кругов, которых он ознакомил с освободительными стремлениями народов „Прометея“ и этим в значительной степени парализировал деятельность белых и красных провокаторов из русской среды, которые всячески стараются очернить работу прометейских кругов на Дальнем Востоке. Вообще же, говорил Аяс-бей, среди русских на Дальнем Востоке весьма трудно отличить, где начинается работа красных и кончается работа белых агентов и обратно...

Большую энергию вложил докладчик в работу по организации эмиграции тюрко-татар Идел-Урала на Дальнем Востоке, которая ныне во всех центрах своего пребывания имеет собственные национальные организации и свой печатный орган газ. „Милли Байрак.“ Из кавказской эмиграции, по словам докладчика, лучше всего организованы грузины, которые имеют в Харбине собственный дом и школу. Кавказцы, идел-уральцы, украинцы и польские друзья этих народов образуют в Харбине клуб „Прометей“, который осуществляет те же идеи, которыми руководствуются аналогичные клубы в Европе.

Своей поездкой докладчик остался весьма доволен. После окончания доклада, слушатели наградили докладчика длительными и шумными апплодисментами. **М.**

„ЧЕРЕЗ КАВКАЗ В СРЕДНЮЮ АЗИЮ“

Материал, собранный и изданный под таким заглавием еще до мировой войны одним из чешских путешественников, послужил отправным пунктом для доклада, который был прочитан 20 апреля с. г. г-ном Карлом К. Дворжачком на

XIV общем собрании „Народной школы Брненской Матицы школьной" в гор. Брно в Чехословакии.

К. Дворжачек занимается изучением древней культуры Ирана. В настоящее время он работает над составлением классического фарско-чешского словаря и одновременно интересуется историей и культурой Кавказа. В последние годы, благодаря систематическим собраниям им же созданного интимного кружка (в который входит, между прочим, и специалист-филолог д-р Я. Я н а ч е к и где нередко зачитываются статьи из ж. „Северный Кавказ"), его интерес к Кавказу еще более усилился и он глубоко проникся нуждами и стремлениями кавказских народов.

Это особенно ярко выявилось в описываемом нами докладе. Все встречаемые в книге „Через Кавказ в Среднюю Азию" вымыслы он квалифицировал, как „глупые некрасивые выдумки", а относительно кавказской войны высказал следующее: „Свободолюбивый черкесский народ завоевал удивление всего мира, защищая на протяжении столетия независимость своей родины, но для русских это предприятие является позорным пятном на щите России".

С большим вдохновением и преклонением говорил г. Дворжачек об Имаме Шамиле, о „несравненном герое, идеологе Северного Кавказа, гениальном стратеге и администраторе, который со своими немногочисленными подданными на протяжении 25 лет вел поразительную, титаническую борьбу за свободу своего отечества".

Доклад сопровождался демонстрацией диапозитивов. Многочисленная аудитория наградила докладчика долгими аплодисментами, а наш представитель в гор. Брно выразил ему горячую благодарность за прекрасный по форме, содержательный и об'ективный доклад. **А.-Б. К.**

KAFKASYA HABERLERi — ВЕСТИ С КАВКАЗА

KAFKASYA'DA GENE DE SÜKüNET YOK

Bir müddet evvel Batum'da bulunmuş bir zatın bize haber verdigine göre, Batum'da dolaşan şayıalara bakılırsa Kafkasya'nın bir çok mıntakalarında gene yeniden karışıklıklar baş göstermiştir. Dağlık mıntakalarda yeniden sovyet müesseseselerine basğın yapan âsî grupları faaliyete başlamışlardır. Dağlık mıntakalar daimî surette sovyet tayyare eskadrosunun tarassüdü altında bulunmaktadır. Askerî-gürcü yolunda yolcu hareketi durdurulmuştur. Turistlere dağlara gitmek menedilmiştir.

Kafkasya'daki karışıklıklar hakkındaki bu malumat, Kars'dan aldığımız bir mektubda dahi teyid edilmektedir. Muhabirimizin yazdığına göre, bu günlerde Türkiye hududunu geçen mühim miktar karapapak-kaçkın grupu Kars mıntakasına gelmiştir. Gelen kaçkınlar dahi Kafkasya'da baş veren isyanlardan ve alelumum partizan hareketinin daha fazla arttığından bahsetmektedirler.

Pehlevi'den aldığımız bir mektubda bolşevik terrorunun yeni kurbanlarının isimleri bildirilmektedir Psıhub'da Mekir Magometov ve Gangay Uzdenov kurşuna dizilmiştir. Her ikisi, geçenlerde idamini haber verdigimiz Ömer Şaov'un grupuna mensub bulunuyorlardı. Mekir Magometov ve Gangay Uzdenov kızıl cellatlar tarafından grup daha imha ve esir edilmeden ele geçirildikleri için başçılarından daha evvel öldürülmüşlerdir.

Bir kaç sene Dağıstan'da hali faaliyette bulunmuş küçük bir partizan grupu reisi Hasan Recebov, Temir-Han-Şura'da, dağlık Çeçen aullarından birinin sakini bulunan Azirhanov Mustik ve Lorsa Vaharigov. bir komünisti katlettikleri için Suyunc-Kal'ede idam edilmişlerdir. Bu ve bundan evvel haber verdiğimiz idamlar geçen senenin son baharında vuku bulmuştur.

ŞiMALî KAFKASYA'DA YENi HAVA HATLARI

„Şimalî-Kafkasya Bol." nin haber verdigine göre bu yıl Şimalî Kafkasya'da dört yeni hava hattı açılacaktır. 650 kilometro olan ilk hat Psıhuabe'yi Aleksandrovsk, Blagodarnensk, Turkmensk, Apanasenkovsk, Ipatovsk, Dmitriyevsk, Evdakimovsk, Trunovsk, Şpakovsk ve Spitsevsk mıntakalarının merkezlerine bağlıyacaktır.

500 kilometro olan ikinci hat, Psıhuabe ile, Mineralovodsk, Novoselitsk, Sotnikovsk, Arzigirsk, Budennovsk, Stepnovsk, Kursk ve Sovyet mıntakalarının merkezleri arasında halkevî bir rabıta tesis edecektir.

Voroşilov (Stavropol) ve Novo Troitsk'den geçmek üzre Psıhuabe'den Novo-Aleksandrovsk'a kadar da 240 kilometroluk üçüncü bir hat açılacaktır.

190 kilometroluk dördüncü bir hat da Psıhuabe'yi Nalçik ve Terek-Kala'ya bağlıyacaktır.

Yeni hatların açılışı eski de olduğu gibi iktisadî mülahazalerle izah edilmektedir. Fakat, Kafkasya'daki hava hatlarının, Sovyetler Ittihadının diger mıntakalarına nazaren daha bol ve kesif oluşu bu kabil bir izahi şüphe altında bırakıyor.

Sovyet hükûmetinin Kafkasya hava hatlarına hususi bir dikkat atf edişi, bir çok defaler işaret ettigimiz gibi ancak ve ancak askerî mülahazaler ile izah edile bilir.

MUHTELiF HABERLER

— Az-Çor. Tass ajansının bildirdigine göre, Tuapsi mıntakasında, altı iyi yontulmuş yassı taştan yapılmış bir tabut bulunmuştur. Tabut dahilinde iyi muhafaza olunmuş yüksek boylu bir erkek iskeleti, bir buçuk metro uzunluğunda bir kılıç, desti ve beş madenî yay takımı bulunduğu görülmüştür. Tabutun XVI—XVII asir çerkes definlerine aid olduğu anlaşılmıştır.

— Dağıstan'ın Tloh aulunda bir konserve fabrikası inşa edilmektedir. Fabrıka meyve kompostosu hazırlıyacaktır. Fabrıka her mevsimde (kaysi, şaftali, armud ve erik) 2970 bin kutu komposto ve 140 ton kuru meyve istihsal edecektir. Dağlık Dağıstan'da yani Untsukul, Gergebil ve Hocal—Maha'da dahi 3 konserve fabrikası inşa edilmesi düşünülmektedir.

— Sovyet hükûmeti Kafkasya'nın tabiî servetlarinden azemî istifade ve istismar etmeğe daha fazla ehemmiyet vermege başlamıştır. Bu yıl Sovyetler İttihadi'nın baş arziyat idaresi ağır sanayi komiserliginin hususî gösterişile bütün Kafkasya'da geniş mıkyasda araştırma yapmağa karar vermiştir. Bu iş için, mevcud paradan başka 1936 de ilave olarak 2·3 milyon ruble tahsisat ayrılmıştır Bu işde 21 takım çalışacak ve bunlar takriben 25 bin murabba kilometroluk bir arazide araştırma yapacaklardır. Şimalî Kafkasya'daki araştırma işi Zelençuk, Tiberde, Malka, Soçi Şaha, Shaguaşa (Bela), Laba v. s. nehrileri boyunca, Cenubî Kafkasya'da da Kudar, Bazar, Çay, Lagodehi, Zakatal v. d. mıntakalarda yapılacaktır. „Dag. Pravda"nın anlattığına göre „Büyük Kafkasya'da bir çok karışık, bakır ve nadir madenlerin mevcud olduğu hakkında elde bulunan müsbet malumat burasını araştırma esasını teşkil ediyor".

ВОЗВРАТ К МЕТОДАМ ЦАРСКИХ МИССИОНЕРОВ ИЗ „ОБЩЕСТВА ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПРАВОСЛАВНОГО ХРИСТИАНСТВА НА КАВКАЗЕ"

В Московской „Правде", в номере от 2-IV-1936 г. „стыдливо" — петитом и на последней странице — напечатано следующее сообщение:

„В Нальчике начались подготовительные работы к переводу на кабардинский и балкарский языки однотомника „Ленин—Сталин". По инициативе обкома партии Бетала Калмыкова перевод, в отличие от практики прошлых лет, б у д е т п е ч а т а т ь с я н е л а т и н с к и м, а р у с с к и м а л ф а в и т о м. П о м н е н и ю л и н г в и с т о в, р у с с к и й а л ф а в и т б о л ь ш е п о д х о д и т к к а б а р д и н с к о м у и б а л к а р с к о м у я з ы к а м, ч е м л а т и н с к и й. Уже выделены квалифицированные переводчики. Ожидается получение специальных линотипов с русским алфавитом. Издание книги будет закончено в течение пяти месяцев."

Таким образом, и на т. н. фронте языкового строительства Москва полностью восстанавдивает „испытанные" методы царских руссификаторов. О большей пригодности русского алфавита для нерусских языков СССР, в том числе и кавказских, говорили уже давно царские миссионеры, занимающиеся „просветительной" деятельностью среди „иноверцев." На Кавказе эта точка зрения практически осуществлялась „Обществом восстановления православного христианства на Кавказе", получающим миллионные правительственные субсидии. Советские „лингвисты" идут по проторенной дороге своих рясоносных предшественников, все более и более демаскируя истинное лицо и цели „советского языкового строительства" и „ленинско-сталинской национальной политики."

„КАЗАЧЬИ ДЕКРЕТЫ“ СОВ. ПРАВИТЕЛЬСТВА*)

В апреле месяце акция по восстановлению казачества была нормирована советским правительством следующими декретами:

Постановление Центрального исполнительного комитета Союза ССР

Учитывая преданность казачества советской власти, а также стремление широких масс советского казачества, наравне со всеми трудящимися Советского Союза, активным образом включиться в дело обороны страны, — Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР постановляет:

Отменить для казачества все ранее существовавшие ограничения в отношении их службы в рядах Рабоче-Крестьянской Красной армии, кроме лишенных прав по суду.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР—М. Калинин.

И. о. секретаря Центрального Исполнительного Комитета Союза ССС—И. Уншлихт.

Москва, Кремль, 20 апреля 1936 г.

* * *

Приказ народного комиссара обороны Союза ССР

23 апреля 1936 г. № 67 гор. Москва.

15 сего мая провести следующие организационные мероприятия:

1. Десятую территориальную кавалерийскую северо-кавказскую дивизию, дислоцированную на Тереко-Ставропольи, переименовать в 10-ю Терско-Ставропольскую территориальную казачью дивизию.

Исключить из состава частей 10-й Терско-Ставропольской казачьей дивизии все эскадроны горских национальностей и сформировать из них отдельный кавалерийский полк горских национальностей.

2. 12-ю территориальную кавалерийскую дивизию, дислоцированную на Кубани, переименовать в 12-ю Кубанскую территориальную казачью дивизию.

3. Сформировать на Дону 13-ю Донскую территориальную казачью дивизию.

4. Переименовать:

а) 4-ю кавалерийскую Ленинградскую краснознаменную дивизию имени тов. Ворошилова в „4-ю Кубанско-Терскую казачью краснознаменную дивизию имени тов. Ворошилова“.

б) 6-ю кавалерийскую Чонгарскую краснознаменную дивизию имени тов. Буденного в „6-ю Донскую казачью краснознаменную Чонгарскую дивизию имени тов. Буденного“.

5. Комплектование как территориальных, так и кадровых казачьих дивизий производить со всего населения Дона, Терека, Кубани и Ставропольщины, исключая горцев.

6. Установить и ввести с осени 1936 года особую форму одежды для всех казачьих дивизий, согласно утвержденных мною образцов.

7. Кавалерийские полки горских национальностей об'единить в „Отдельную кавалерийскую бригаду горских национальностей“ со штабом бригады в городе Орджоникидзе.

8. Начальнику генерального штаба РККА отдать распоряжение о порядке и сроках проведения изложенных оргмероприятий.

9. Командующим соответствующих военных округов донести мне о выполнении этого приказа.

Народный комиссар обороны СССР,
маршал Советского Союза К. Ворошилов.

*) В одном из ближайших номеров наш сотрудник г. Магомет Чукуа осветит дальнейший ход акции по „восстановлению казачества“ (см. мартовский номер нашего журнала) и остановится более подробно на приводимых декретах.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ В АДЫГЕЕ

В древние времена Северный Кавказ поддерживал оживленные сношения с тогдашними культурными центрами. В народных преданиях еще и сейчас сохранились воспоминания о хеттах, египтянах и пр. представителях древней цивилизации и культуры. Наличие этих связей подтверждают и многочисленные археологические находки, многократно обнаруживаемые в различных частях Северного Кавказа. Недавно, как сообщает ростовский „Молот“, было обнаружено еще одно доказательство упомянутых связей в виде древнего погребения, открытого в окрестностях Майкопа в Адыгее.

Погребение это относится приблизительно к первому веку до христ. эры. В нем лежат останки, повидимому, мужчины и женщины, которые несомненно принадлежали к числу правителей древних адыгов, известных в те времена под именем псысов, керкетов и т. п. и входящих в состав скифо-сарматского национального комплекса, заселявшего всесеверное Причерноморье.

О предметах, найденных в погребении, „Молот“ пишет следующим образом:

„В числе найденных в погребениях и тщательно сейчас изучаемых предметов — медные и бронзовые вещи, зеркала, застежки, сосуды различных форм, железные наконечники копий и стрел, мечи, изделия из кости (булавы, футляр), глиняная посуда и т. д. Особенно выделяются вырезанный из молочно-белого халцедона скарабей (скарабей—священный жук и его изображение в древнем Египте), халцедоновое шарообразное навершие меча, бусы из агата и позолоченного стекла и подвески из египетской пасты. Обнаружены также крупные украшения мечей из халцедона и темного агата и небольшие обломки золотых украшений. Великолепно сохранилась резная из литого куска зеленоватого стекла чашка, украшенная орнаментом.

Шедевром является массивная серебрянная чаша ручной работы, украшенная высокохудожественными рельефными фигурными изображениями (сцена вакханалии, и т. п.). На чаше имеется греческая надпись с упоминанием имени парфянского (иранского) царя Пакора.

Чаша из Ирана, бусы из Египта (изготовлявшиеся в Навкратии и Александрии) и другие привозные вещи говорят о широком размахе торговых и культурных связей народов, заселявших территорию нашего края в те далекие времена“.

ЕЩЕ О СОВЕТСКОМ ИЗДАНИИ „ВЕПХИС ТКАОСАНИ“

Тифлисская „Заря Востока“ помещает следующее сообщение:

„Первое печатное издание поэмы Шота Руставели „Вепхис Ткаосани“ вышло в 1711 г. под редакцией грузинского писателя историка Вахтанга—лучшего „руставелолога“ своей эпохи. В настоящее время это издание сохранилось в очень незначительном количестве экземпляров и стало почти библиографической редкостью. Между тем издание Вахтанга имеет большое историческое значение, как первая нецерковная книга, изданная на грузинском языке.

Тифлисский государственный университет готовит к изданию „Вепхис Ткаосани“ по образцу вахтанговского издания. Редактор издания—професор Акакий Шанидзе. Кабинет шрифта, имеющийся при университете, изготовил специальный шрифт—копию шрифта вахтанговского издания. Художник Григолия работает над перес'емкой иллюстраций этого же издания.

Новое издание поэмы будет состоять из 20 печатных листов и выйдет в количестве 4.000 экземпляров.“

„ШЬЮТ ДОРОГО, ДОЛГО И ГРУБО“

Таково заглавие заметки, помещенной в одном из февральских номеров газ. „Сев.-Кавк. большевик“. Автором ее является некая Л. Крымская. Она описывает порядки, царящие в швейных мастерских гор. Псыхуабе. В виду исключительного интереса заметки для характеристики условий повседневной жизни в СССР, приводим ее ниже целиком:

„Приятно повернуться перед зеркалом в новом костюме, который прекрасно облегает фигуру, сделан модно и прочно.

Это удовольствие редко удается испытать заказчикам пятигорских швейных мастерских. Вот отзыв о работе швейной фабрики крайместпрома, записанный на страницах жалобной книги:

— Сшили костюм как будто на горбатого,—жалуется заказчик, который получил пиджак с перекошенным воротником, со сборками на спине и одним рукавом короче другого.

— Вряд ли в другой раз здесь буду шить,—замечает другой заказчик.

При плохом качестве работы, пятигорская швейная фабрика „тришкиных кафтанов" славится и „темпами" своей работы. Заказчика заверяют, что заказанная вещь будет готова через неделю, приходится же ждать месяц. Если взялись переделать здесь же испорченный костюм с обязательством вернуть через день, то продержат две недели. Заказов на одни брюки не принимают, требуют заказать целый костюм, так как „выгоднее шить костюм, чем брюки".

А цены? Пошить костюм для ребенка стоит 60 рублей, шитье мужского костюма обходится не дешевле 150 рублей. Пошивка дамского платья—и того дороже.

Не менее хороший аппетит у швейной артели им. Ильича. Здесь высокие цены за пошивку пальто и платья вызваны высокими накладными расходами.

Пошивка мужского костюма стоит 103 рубля. Фактическая стоимость работы—37 рублей, остальное идет на „различные отчисления". Платя высокую цену за пошивку, заказчик постоянно сталкивается с неудобствами. То в мастерской нет подкладки, то нет сорочки для бортов, то нет пуговиц или крючков. Все это должен заказчик искать по магазинам, мастерская отказывается давать свой приклад.

Заработок квалифицированных мастеров артели не превышает 250 рублей в месяц. Лучшие мастера из артели уходят и устраиваются не по своей специальности, либо шьют на дому. Пошивка часто поручается ученикам. Тут об изящном фасоне не может быть и речи.

В мастерской артели инвалидов одежду шьют быстро, но грубо.

Нынешний заказчик хочет одеваться культурно, со вкусом.

Это пора учесть пятигорским швейникам."

К этому следует добавить, что общая стоимость костюма (материал и шитье), например, в Москве доходит до 600 руб., а заработок, к примеру, преподавателя средней школы не превышает 250 рублей, сторож же при школе получает всего 50 рублей. В этих условиях неудивительно, что большинство обывателей „наиболее передовой страны в мире" ходят оборванцами.

РАЗНЫЕ ИЗВЕСТИЯ

— Решенеем президиума ВЦИК'а центр Адыгейской авт. области переводится из Краснодара в Майкоп. В связи с этим к области присоединяется Гиагинский район, Ханский сельсовет б. Майкопского района и город Майкоп. Всего отныне область об'единит 6 районов. Переезд областных учреждений в новый центр состоится 7 мая т. г. Вторая административная реформа проведена в Чечено-Ингушской авт. области. Здесь, к 1 ноября 1936 г., районный центр Пригородного района должен быть перенесен из Терк-Кала в Базоркино. Второе распоряжение связано, несомненно, с перенесением краевой столицы из Псыхуабе в Терк-Кала и желанием правящей власти усилить в последнем русский элемент с одновременным ослаблением элемента горского. Значение же первого распоряжения можно будет охарактеризовать после дальнейших аналогичных реформ, которые, повидимому, предвидятся в связи с курсом по созданию нового советского казачества.

— По сообщению „Литературной газеты" композитор Шебалин пишет для Ленинградского малого оперного театра оперу о Бетале Калмыкове—„народном герое Кабардино-Балкарии", как называет его упомянутая газета. „Кабардинский Сталин" определенно делает карьеру у своих московских хозяев...

— Коста Фарнион, осетинский писатель, составил „Антологию осетинской литературы". Антология „открывается песнями о Ленине, Сталине, Кирове и красных партизанах". Уже одно это характеризует ее „ценность" с точки зрения об'ективной характеристики осетинского творчества.

— Научные работники Чеч.-Инг. обл. комитета нового алфавита Х. Яндаров и А. Мациев закончили составление терминологического чечено-ингушского словаря по всем дисциплинам в об'еме начальной школы. Словарь составлен взамен из'ятых из обращения словарей, признанных „неблагонадежными" в виду наличия в них „националистических уклонов". После дополнения словаря терминами из учебников неполной средней школы и просмотра его „профессором" Г. Сердюченко, одним из главных руссификаторов на Северном Кавказе в области языка, словарь поступит в печать.

— Карачаевский писатель Азрет Уртенов записал 400 народных сказаний о Хадже, широко распространенные в Карачае. На запись Азретом Уртеновым было потрачено 8 лет. В скором времени сказания будут изданы карачаевским нациздатом, конечно, после соответствующей коммунистической литературной „чистки".

Журналы и газеты, полученные редакцией

— „PROMÉTHÉE". Ежемесячник. Орган национальной защиты народов Кавказа, Украины и Туркестана. Адрес редакции: 1, Square Léon-Guillot, Paris (15 e).

— „PROMETHEUS". №№ 1—4. 1936. Ежемесячник. Орган клуба „Прометей" в Финляндии. Адрес редакции: Helsinki, Pitkänsillanranta 17-a — 10, Finland.

— „MILLÎ BAYRAK". 1935-36 г.г. Еженедельная газета. Орган Культурно-Просветительных обществ тюрко-татар Идел-Урала на Дальнем Востоке. Адрес редакции: Nip. P. O. Box 104, Mukden—Manchu-Ti-Kuo.

— „SUOMEN HEIMO". №№ 1—8, 1936. Двухнедельный журнал. Орган Карельского Академического общества. Адрес редакции: Helsinki, Vanha Ylioppilastalo, Finland.

— „KURTULUŞ". №№ 15—18, 1936. Ежемесячный журнал. Национальный орган Азербайджана. Адрес редакции: Berlin—Chlbg. 2, Postfach № 16.

— „EMEL". №№ 1—4, 1936. Ежемесячник. Национальный орган Крыма. Адрес редакции: Str. Rahovei № 17, Constanta, Romania.

— „WSCHÓD—ORIENT" № 20—21. Польский востоковедческий журнал. Адрес редакции: Institut Wschodni, Miodowa 7, Warszawa.

— „ISLAMSKI GLAS". Еженедельная газета. Орган мусульман в Югославии. Адрес редакции: Vojvode Stepe Obala 7/I,Sarajevo.

— „PRZEGLĄD ISLAMSKI". № 3—4. Орган Мусульманской общины в Варшаве. Адрес редакции: Sienna 20 m. 1, Warszawa.

— „ŻYCIE TATARSKIE". №№ 1-4, 1936. Ежемесячник. Орган Культурно-просвет. союза польских татар в Вильне. Адрес редакции: Ostrobramska 7, Wilno.

— „BIULETYN POLSKO-UKRAIŃSKI". Иллюстрированный еженедельник. Адрес редакции: Nowy Świat 66 m. 13, Warszawa.

— REVUE DE TURKOLOGIE. Fondée à Paris par le Prof. Dr. Rizą Nour; tome II, livre 1. S'adresser à Dr. Riza Nour Bey — 38, rue Amasis Mazarita Alexandrie, Egypte.

— „КОВЫЛЬНЫЕ ВОЛНЫ" № 12. Орган Калмыцкой национальной организации „Хальмак Танганчин Тук". Адрес редакции: M. Balinov—7, rue du Chemin Creux, Joinville-le-Pont (Seine), France.

— „МИ". Кн. V; зима 1936. Украинский литературный сборник. Адрес редакции: Ul. Kaliska 17, Warszawa.

— „ШЛЯХ НАЦІЇ". Ежемесячник украинской национальной политики и общественной жизни. Адрес редакции: Ul. Podwale 7-III, Lwów, Pologne.

— „ВОЯК". №№ 1—4, 1936. Ежемесячник. Орган б. украинских военнослужащих во Франции. Адрес редакции: 42, rue Denfert-Rochereau, Paris (5-e).

— „КАЗАКИЯ". №№ 1—6 (7—12). Литературно-исторический и информационный журнал. Адрес редакции: София, бульв. Драгоман 52 (Bulgarie).

Mecmuanın müdürü: BARASBİ BAYTUGAN — Редактор журнала: БАРАСБИ БАЙТУГАН

Müdürün adresi — Odyńca 35, Warszawa (12), Pologne — Адрес редактора

Mecmua idarehanesinin adresi — 1, Square Léon Guillot, Paris (15), France — Адрес администрации журнала

Zakł. Gr. P. Sawada Warecka 9